

ДОЧЬ
ПЕКАРЯ

Vintage Story

САРА
МАККОЙ

Роман о том, как давнее прошлое может
менять нашу жизнь, если прислушаться к нему

Сара Маккой

Дочь пекаря

«Фантом Пресс»

2012

Маккой С.

Дочь пекаря / С. Маккой — «Фантом Пресс», 2012

ISBN 978-5-699-67494-7

Германия, 1945 год. Дочь пекаря Элси Шмидт – совсем еще юная девушка, она мечтает о любви, о первом поцелуе – как в голливудском кино. Ее семья считает себя защищенной потому, что Элси нравится высокопоставленному нацисту. Но однажды в сочельник на пороге ее дома возникает еврейский мальчик. И с этого момента Элси прячет его в доме, сама не веря, что способна на такое посреди последних спазмов Второй мировой. Неопытная девушка совершает то, на что неспособны очень многие, – преодолевает ненависть и страх, а во время вселенского хаоса такое благородство особенно драгоценно. Шестьдесят лет спустя, в Техасе, молодая журналистка Реба Адамс ищет хорошую рождественскую историю для местного журнала. Поиски приводят ее в пекарню, к постаревшей Элси, и из первого неловкого разговора постепенно вырастает настоящая дружба. Трагическая история Элси поможет Ребе любить и доверять, а не бежать от себя. Сара Маккой написала роман о правде, о любви, о бесстрашии и внутренней честности – обо всем, на что люди идут на свой страх и риск, потому что иначе просто не могут.

ISBN 978-5-699-67494-7

© Маккой С., 2012
© Фантом Пресс, 2012

Содержание

Пролог	6
Один	8
Два	12
Три	16
Четыре	24
Пять	32
Шесть	35
Семь	38
Восемь	42
Девять	45
Десять	47
Одиннадцать	49
Двенадцать	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сара Маккой Дочь пекаря

THE BAKER'S DAUGHTER

by Sarah McCoy

Copyright © 2012 by Sarah McCoy

Книга издана с любезного согласия автора при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Ксения Букша, перевод, 2013

© «Фантом Пресс», оформление, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Брайану Zahlen bitte, mein Schatz. Ich liebe Dich¹.

Человек подобен Луне – у него тоже есть темная сторона, которую он никогда никому не показывает².
Марк Твен. «По экватору»

*Льет с неба чистый, белый свет
И не дробится на цвета,
И не кончается рассвет,
И на холмах трава густа,
И с ветром ангелы летят,
Смеясь – а ну, кто примет бой?
И, всю окрестность обводя,
Вдали, как тихий снег, прибой.*

*И вот с вершины так рекут:
Приди, душа, живи сполна;
Пришел существования суд,
И им Земля помрачена.
И войско души убитых – вновь
Стекается со всех сторон,
Им долгожданный слышен зов,
Порыв их будет воплощен!*

Роберт Фрост. «Испытание существованием»³

¹ С тебя, дорогой, причитается. Я тебя люблю (нем.).

² Пер. Э. Березиной, Н. Банниковой, Н. Емельяниковой.

³ «Испытание существованием» (*The Trial by Existence*) – стихотворение, вошедшее в первый сборник стихов американского поэта Роберта Ли Фроста (1874–1963) «Воля мальчика» (*A Boy's Will*, 1913).

Пролог

Гармиш, Германия

Июль 1945 года

Нижний этаж давно остыл, а верхний давно согрелся от спящих тел, укутанных в хлопковые простыни. Тогда она выскользнула из-под тонкого покрывала и тихо прокралась во тьму. Она не стала обуваться, чтобы не разбудить мужа шлепками тапок. Мгновение помедлила возле комнаты дочери, положила ладонь на ручку двери, прислушалась. Дочь тихо сопела во сне, и она стала дышать ей в такт. Остановить бы годы, забыть прошлое и настоящее, повернуть ручку и лечь, как когда-то, рядышком. Но она не могла забыть. Ее тайна повлекла ее прочь, вниз по скрипучим узким ступеням. Она шла на цыпочках, одной рукой держась за стену.

В кухне на столешнице выстроились крутые холмики теста, белые и округлые, как младенцы; от них воздух благоухал молоком и медом, обещал сытое завтра. Она зажгла спичку. Черная головка загорелась, лизнула фитиль свечи и изошла дымом. Языки свечного огня нравились ей больше, чем электрическая лампа с ее ярким, жужжащим, обличающим верхним светом. За дверями вооруженный патруль; незачем рисковать, дразнить любопытство, будить родных.

Она села на корточки подле хлебов, отодвинула обугленный горшок и в темноте нашарила щель в полу, где было спрятано вчерашнее письмо. Намозоленные скалкой ладони ошупывали половицу. Мелкие занозы впивались в кожу, но она не обращала внимания. Сердце колотилось в ушах, тепло пульсировало в ладони и пальцах. Хруст бумаги... Вот оно.

Письмо пришло дневной почтой, вместе с чеком от мельника и запоздалым номером «Сигнала» – обложка сорвана, страницы размыты, так что не прочесть, видна только древняя реклама «БМВ», алюминиевые велосипеды для «современных» велосипедистов. Рядом с ним письмо – изящный почерк, сургучная печать – сразу бросалось в глаза. Она выхватила его и сунула в карман широкой юбки, чтоб почтовики ничего не заподозрили. Дома муж спросил:

– Какие новости?

– Ничего нового. Покупай да плати. – Она протянула ему журнал и счет: – Покупай, покупай, покупай, никак мир не остановится. – И сунула руки в карманы, крепко сжала письмо.

Муж что-то пробурчал, швырнул распадающийся журнал в мусорное ведро, затем острым лезвием вскрыл конверт от мельника. Вытащил чек, внимательно рассмотрел, сложил числа и покивал.

– Пока мир стоит, люди по утрам будут просыпаться голодными. Слава богу. Иначе бы мы прогорели, так?

– Так, – отозвалась она. – Где дети?

– На дворе, по хозяйству, – ответил он.

Она кивнула и вернулась в пустую кухню – надо спрятать письмо, пока никто не видит.

Теперь, под серпом месяца, что рыбьей костью повис в небе, она поставила свечу на пол и присела рядом. Сургуч она сломала, когда мяла письмо в кармане. Обломки посыпались на плитку. Она аккуратно смела их в подсвечник, развернула бумагу, увидела знакомый почерк и принялась читать. Руки дрожали от каждого тяжелого слова, фразы сливались; дыхание участилось, пришлось сжать губы, чтобы успокоиться.

Пламя свечи изогнулось и вздрогнуло. Голубая жилка пульсировала в его сердцевине. Воздух изменился. Она напряглась: что-то слабо прошелестело у дальней стены. Хоть бы мышь, в страхе подумала она. Пусть это бродячая собака сопит у задней двери. Альпийский ветерок, бродячий призрак. Что угодно, лишь бы не человек. Нельзя ей, чтоб застали. Только не с этим письмом.

Она отпрянула дальше, под кухонный стол, скомкала письмо в подоле и схватилась за железную кастрюлю, из которой воняло вчерашним тушеным луком. Она пристально глядела на пламя, выжидая, когда оно выправится, пока в глазах не защипало. Тогда она зажмурилась, и перед ней явились сценки, как на старых фотографиях: девочки с аккуратными бантами в косичках сидят под фруктовым деревом; мальчик с ручками и ножками тоненькими, как речные камышинки; мужчина с затененным лицом глотает шоколад, вытекающий из дыры в груди; женщина танцует в костре и не горит; толпы детей пожирают горы хлеба.

Когда она открыла глаза, пламя уже погасло. Чернота ночи сменилась бархатной синевой. Она уснула в своем убежище. Но наступало утро, здесь теперь небезопасно. Она выползла из-под стола, треща и щелкая суставами.

Письмо она несла с собой, в легких складках ночной сорочки. Снова на цыпочках по ступенькам, мимо комнаты дочери, вот и дверь спальни. Она скользнула под покрывала; муж спал без сновидений. Медленно и очень осторожно она засунула письмо под матрац и положила руку на грудь.

Сердце глухо постукивало в груди, как чужое, церемонно билось в оцепеневшем теле. Часы тикали на столике у кровати – тик, тик, тик, без маятникового «така». Пульс понемногу выравнивался. Она мысленно читала письмо в ритме метронома. Затем будильник изверг поток лязгающих воплей. Молоточек снова и снова колотил по звонку.

Она даже не вздрогнула.

Муж перекатился с боку на бок, стянув с нее одеяло. Она все лежала как мертвая. Он выключил будильник, поцеловал ее в щеку и встал с постели. Она притворилась, что спит глубоким сном. Если взаправду так спать, можно заглянуть в вечность.

Сейчас она встанет, примется помогать мужу и промолчит о том, что знает, и как ни в чем не бывало обрадуется добела раскаленному солнцу. Она будет заботиться о детях, мыть посуду, заводить часы и подметать полы. Печь хлеб и смазывать булочки сахарной глазурью.

Один

*Техас, Эль-Пасо,
Франклин-Ридж-драйв, 3168
5 ноября 2007 года*

Реба звонила в «Немецкую пекарню Элси» каждый день уже целую неделю и никак не могла дозвониться. Каждый раз ее приветствовал гнусавый западнотехасский говор автоответчика. Перед звонком она отхлебнула апельсинового сока, чтобы голос звучал приветливей и слаще.

– Здравствуйте, это Реба Адамс из журнала «Сансити». Мне бы хотелось поговорить с Элси Радмори. Я оставила свой номер в двух предыдущих сообщениях, так что если вы перезвоните мне... это будет здорово. Спасибо. – Она нажала на отбой и бросила телефон на кушетку. – Постскриптум. Вытащи башку из печки и возьми, что ли, трубку для разнообразия!

– Может, просто съездить туда? – Рики надел куртку.

– Да, выбора уже нет. Через две недели статью сдавать, – пожаловалась Реба. – Я думала, там раз-два и готово. Час на телефоне, послать фотографа, он сделает пару снимков – и все. Простой оптимистический очерк. – Она подошла к холодильнику и поглядела на карамельный чизкейк, который Рики купил на вечер. – Рождество-шагает-по-планете с местным уклоном.

– Угу. – Рики позвенел ключами. – Если что, ты и без нее можешь обойтись. Техас есть, Мексика есть – чего тебе еще? – ухмыльнулся он.

Реба закатила глаза. Хоть бы он убрался поскорей. Сейчас ей не терпелось, чтобы он ушел, и она с печалью вспомнила, как когда-то он кружил ей голову, как она пьянела от него, словно от нескольких бокалов вина. Нахальные замечания казались на ковбойский манер искрометными, а экзотическое смуглое лицо и испанский акцент волновали неотразимой, огненной дерзостью.

Делая статью об иммиграции, она ходила с Рики по пограничной заставе и дрожащими руками за ним записывала; вибрации его голоса проходили по ее позвоночнику к кончикам пальцев, как по камертону.

Он провел ее по всей заставе, интервью было окончено; у выхода стали прощаться.

– Мы обычные парни, делаем свою работу, – сказал он и открыл ей дверь.

Она кивнула, но не ушла. Секунда длилась, ноги не слушались, взгляд его темных глаз притягивал Ребу.

– Мне может понадобиться дополнительная информация – я могу на вас рассчитывать? – спросила она, и он тут же продиктовал номер своего мобильного.

Несколькими неделями позже она лежала рядом с ним обнаженная, не понимая, что за девушка вселилась в ее тело. Это не Реба Адамс. Во всяком случае, не Реба Адамс из Ричмонда, штат Вирджиния. Та не легла бы в постель с незнакомцем. Ужас! Но эта девчонка как будто переродилась, стала совершенно другой, а Реба того и хотела. Так что она обвилась вокруг него и ткнулась подбородком в его загорелую грудь, прекрасно понимая, что в любой момент может встать и уйти. От этого было легко и радостно, и все же она не хотела уходить и не хотела, чтоб уходил он. Тогда и там ей хотелось, чтоб он остался. Он остался, и теперь она как перелетная птица, привязанная к голой скале.

Она нетерпеливо покачивала ногой. В животе урчало.

– Пока. – Рики поцеловал ее в затылок.

Она не обернулась.

Дверь открылась и захлопнулась, по голым лодыжкам потянуло ноябрьским холодком. Когда бело-зеленый пикап погранично-таможенной службы США проехал мимо окна, Реба

вытащила торт. Чтобы не нарушать симметрию, отрезала по узкому тонкому ломтику от всех трех оставшихся кусков и облизала лезвие ножа.

В полдень Реба остановилась перед «Немецкой пекарней Элси» на Трейвуд-драйв. Магазинчик оказался меньше, чем она представляла. Над дверью деревянная резная вывеска: «*Bäckerei*»⁴. Несмотря на сильный ветер с гор Франклина, в воздухе витал аромат дрожжевого хлеба и медовой глазури. Реба застегнула воротник куртки до подбородка. Прохладный день для Эль-Пасо, градуса шестьдесят три⁵.

Над дверью пекарни зазвенел колокольчик, и вышла темноволосая женщина за руку с мальчиком. Сынишка держал посыпанный солью брецель, уже наполовину съеванный.

– А когда можно будет имбирный пряник?

– После обеда.

– А что на обед? – Пацан вгрызся в перекрестье брецеля.

– *Менудо*⁶. – Женщина покачала головой. – Только и на уме у тебя лопать да лопать. – И в облаке сладкой корицы и гвоздики протащила мальчика мимо.

Реба вошла в пекарню с твердым намерением доделать интервью. Звучал джаз. В углу мужчина за чашкой кофе с кексом читал газету. Стройная, но крепкая блондинка стряхивала хрустящие булочки с противня в корзину.

– Джейн! Я тебе сказала тмин, а ты семечки положила! – крикнули из-за занавеси, отделившей кафе от кухни.

– Мам, у меня покупатель, – откликнулась Джейн, заложив за ухо седеющую прядь.

Реба узнала техасский акцент автоответчика.

– Что будете покупать? Вот свежайшая партия сегодняшних булочек, – Джейн кивнула на корзину.

– Спасибо, я... Меня зовут Реба Адамс. – Она сделала паузу, но Джейн не выказала ни проблеска узнавания. – Я оставила несколько сообщений на вашем автоответчике.

– Заказ торта?

– Нет. Я журналист из журнала «Сан-сити». Хотела взять интервью у Элси Радмори.

– Ой, извините. Я обычно проверяю сообщения по воскресеньям, но на прошлых выходных так и не добралась. – Блондинка повернулась к кухне: – Мам, тут к тебе пришли. – Потом побарабанила пальцами по касе в такт джазовым трубам и повторила: – Мама!

– Я мешу тесто!

Грохот кастрюль.

Джейн виновато пожала плечами:

– Я сейчас. – И ушла за занавеску, туда, где виднелись стальные кастрюли и широкий дубовый пекарский стол.

Реба разглядывала золотистые батоны в корзинах на полках: *роггенброт* (белый ржаной), *бауэрнброт* (фермерский), *допельбек* (дважды выпеченный), *симонсброт* (цельнозерновой), шварцвальдский торт и *бротхен* (пшеничные булочки), и булочки с маком, и брецели, и ржаной хлеб с луком. В стеклянной витрине рядами выстроились сласти: марципановые пирожные, печенье «амаретти», три вида тортов (вишневый чизкейк, торт с фундуком, кексы с корицей), миндально-медовые батончики, штрудели, и фруктовый кекс, и апельсиново-айвовый, и сырный с кремом, и *Lebkuchen* (имбирные пряники). На касе объявление: «Праздничные торты на заказ».

⁴ «Булочная» (нем.).

⁵ 17 °С. – Здесь и далее примеч. перев.

⁶ Блюдо мексиканской кухни, суп из бычьего желудка с красным перцем.

У Ребы заурчало в животе. Она отвернулась от витрины и сосредоточилась на тонких веточках укропного дерева рядом с кассой. «Нельзя, нельзя», – напомнила она себе, порылась в сумке и сунула в рот фруктовую таблетку от изжоги. Вкус как у конфеты, радость как от конфеты.

Снова лязгнула кастрюля, послышалась отрывистая немецкая речь. Вернулась Джейн – руки и передник присыпаны мукой.

– Дodelьвает таргалетки. Кофе, пока ждете, мисс?

Реба помотала головой:

– Не надо. Я просто посижу.

Джейн двинулась к столикам, заметила, что пальцы в муке, встряхнула руками. Реба села, достала блокнот и диктофон. Она вытянет из Элси нужные цитаты и покончит с этим. Джейн протерла стекло витрины чем-то лавандовым и принялась за столики.

На стене над Ребой висела черно-белая фотография в рамке. На первый взгляд – Джейн с женщиной постарше, наверное, с Элси. Вот только одежда какая-то не такая. Младшая в длинной пелерине поверх белого платья, светлые волосы забраны вверх в пучок. Старшая – в *дирндле*⁷ с узким лифом и вышитыми маргаритками. Старшая сложила руки и смотрела кротко, младшая выставила плечо и широко улыбалась; яркие глаза чуть насмешливо уставились на фотографа.

– *Ома*⁸ и мама на Рождество 1944 года, – сказала Джейн.

Реба кивнула на фотографию:

– Заметно семейное сходство.

– Это Гармиш, конец войны. Она о детстве не распространяется. Вышла за папу несколько лет спустя, как только отменили запрет на братание с неприятелем. Он там стоял почти год с Военно-медицинским корпусом.

– Хорошая история, – сказала Реба. – Двое из совершенно разных миров, и вот так встретились.

Джейн взмахнула тряпкой.

– Да так всегда и бывает.

– Что?

– Любовь. – Она пожала плечами. – Сшибает – БАМ! – Она брызнула лавандой и вытерла стол.

Меньше всего Ребе хотелось говорить о любви, особенно с посторонними.

– Значит, ваш папа американец, а мама немка? – Она рисовала завитки в блокноте, надеясь, что Джейн просто ответит на ее вопросы, а сама больше ни о чем не спросит.

– Ага. Папа был техасец, родился тут и вырос. – При упоминании об отце глаза Джейн заблестели. – После войны подал заявление о переводе в Форт-Сэм-Хьюстон, а его отправили в Форт-Блосс. – Она рассмеялась. – Но папа всегда говорил, что любой уголок Техаса лучше Луизианы, Флориды или, боже упаси, проклятого Севера. – Она покачала головой и взглянула на Ребу: – У вас случайно нет родни в Нью-Йорке, Массачусетсе или где-нибудь там? Нынче по произношению не поймешь. Вы уж простите. У меня была стычка с производителем пиццы из Джерси. Такой гад оказался.

– Без обид, – сказала Реба.

Ее дальняя родственница поступила в университет Сиракуз и осталась в Нью-Йорке. Вся родня поражалась, как она выносит холодные зимы. Они считали, что люди от мороза портятся. Реба несколько раз бывала на Северо-Востоке, только летом. А так она любила тепло. Люди Юга всегда загорелые, улыбчивые, счастливые.

⁷ Национальное немецкое широкое платье.

⁸ Бабушка (*нем.*).

– Я с самого юга – из Вирджинии. Ричмонд, – сказала она.

– А сюда чего приехала?

– Потянуло на Дикий Запад, – пожала плечами Реба. – Приехала писать для «Сан-сити».

– Ты смотри-ка. Это они из такой дали людей нанимают? – Джейн повесила тряпку на плечо.

– Не совсем. Я думала, начну здесь и постепенно переберусь в Калифорнию – Лос-Анджелес, Санта-Барбара, Сан-Франциско. – Эта мечта до сих пор не давала ей покоя. Реба поерзала в кресле. – Два года прошло, а я еще тут. – Она откашлялась. Говорила все время она, а надо бы, чтоб заговорила Джейн.

– Понимаю, милая. – Джейн присела за столик и поставила лавандовый очиститель на пол. – Это, конечно, приграничный город, транзитный, переходный, но некоторые так никуда и не переходят. Зависают тут между «откуда» и «куда». Проходит несколько лет, и про «куда» никто уже не помнит. Так и остаются здесь.

– Это надо записать. – Реба постучала ручкой по блокноту. – Но вы-то здесь давно?

– всю жизнь. Родилась в клинике «Бомон» в Форт-Блиссе.

– Тогда куда же вы направляетесь, если вы уже дома?

Джейн улыбнулась:

– Если где-то родились, это не значит, что вы дома. Иногда я вижу поезд – так бы и вскочила, уехала подальше. Вижу след от самолета – представляю: вот бы мне туда. Мама говорит, я мечтательница, фантазерка, выдумщица, – но как ни назови, лучше бы я такой не была. Ничего хорошего от этой мечтательности.

Два

**Программа Лебенсборн
Штайнхеринг, Германия
20 декабря 1944 года**

Дорогая Элси,

После новостей о том, что Эстония сдалась Красной армии, я пишу это письмо в растущей тревоге за наши доблестные немецкие войска и с печалью о наших потерях. Здесь, в Штайнхёринге, в нашем общежитии и в квартирах по соседству, окна занавесили черным. Многие девушки потеряли родных – отцов и братьев. Погибло и несколько участников Программы Лебенсборн, в том числе отец моих двойняшек. Бедный Кристоф. Я узнала его лишь раз, прошлой весной. Ему не было и двадцати двух, мальчик с персиковым пушком, такой юный, а погиб. Меня бесят эти новые жертвы, это кровопролитие. Я понимаю, что нет лучшей гибели, чем за нашу Родину, но проклинаю иноземных дьяволов, проливших арийскую кровь. Нас не растопчут. Пламя нашего факела разгорится ярче, Германия одержит победу! Фюрер сказал: «Германский народ всегда будет верить в своих воинов». И наша вера прочна.

Вместо того чтобы впасть в отчаяние, мы тут в Программе устраиваем самые потрясающие каникулы за все время. Я помогаю строить декорации для Праздника зимнего солнцестояния. Некоторые уважаемые офицеры уже приняли приглашение на наш праздник. Солдатам как никогда нужны поддержка и тепло. Мы берем у местных мясо и овощи, я испеку хороший хлеб, выпечка будет не хуже, чем у папы. Пока я не нашла пекаря, который пек бы так же вкусно. Здешние изделия трудно проглотить, они как комки засохшей грязи. Я так скучаю по дому и по всем вам.

С рождением двойняшек у меня не хватало времени на Юлиуса. Надеюсь уделять ему больше внимания теперь, когда малышей перевели в ясли Лебенсборна. Признаюсь только тебе, сестра: я беспокоюсь о них. Оба меньше, чем был новорожденный Юлиус. Надеюсь, это лишь из-за того, что им пришлось делить матку на двоих, и скоро они вырастут крепкими и здоровыми, как любое арийское дитя. Нельзя, чтобы меня заподозрили в производстве некачественного потомства. Я и так слишком долго не беременела во второй раз. Меня оставили в Программе только потому, что я показала себя верной дочерью Рейха.

Офицеры с удовольствием пользуются моим обществом. Впрочем, я не могу и не буду рассказывать даже тебе, на что приходится идти, чтобы оставаться в Программе и быть рядом с Юлиусом. Эти мужчины с виду приличные, а в постели крайне развратны. Ты девушка, Элси, ты всего этого не знаешь, и я каждый день молюсь о том, чтобы твоему будущему жениху хватило чуткости не спать с тобой до свадьбы. У нас с Петером был шанс. Я вспоминаю наше последнее Рождество вместе, когда он просил моей руки, подарил тогда нам кухонные часы с кукушкой, а кольцо надел птичке на голову. Кукушка выскочила, и кольцо появилось. Мама и папа так обрадовались. Какая же это была простая и счастливая жизнь.

Как идут приготовления к Рождеству? Я понимаю, что продуктов не хватает, но покупателей-то много? У одной нашей девочки родные в

Берлине, и она говорит, что там не осталось даже крошек. Мол, берлинцы меняют золото и драгоценности на пресный хлеб и высохшую свиную кожу. Но я считаю, что все это слухи, которые распространяют шпионы, чтобы напугать честных граждан. У нас товары в дефиците, но сладкий кекс и кружку темного пива можно купить всегда. А как в Гармише? Как мама и папа? Я скоро им напишу. Передай им, что люблю их, и тебя тоже.

Хайль Гитлер.

Гейзель

**Пекарня Шмидта
Гармиш, Германия
Людвигштрассе, 56
21 декабря 1944 года**

Милая сестренка,

С Днем святого Фомы тебя! В пекарне, как всегда под Рождество, полно народу. Нам втроем приходится месить тесто, топить печь, делать закупки и управляться с кассой, так что у меня нет ни минутки свободной, чтобы насладиться праздниками. Некоторые покупатели совершенно невыносимы. Например, фрау Раттельмюллер. Это просто чума! Все время жалуется и придирается, дескать, у меня волосы не причесаны и вообще я ленивая. Или спрашивает, вычистила ли я вчерашнюю грязь из-под ногтей. (Никакой грязи не было, я чищу ногти каждый вечер!) Устраивает бенц маме и папе, а ко мне относится как к сопливой девчонке.

А в последнее время фрау окончательно сбрендилла. Раньше приходила утром, но в обычное время, когда и другие покупатели. Теперь в полшестого утра уже топчется у заднего крыльца, заглядывает в окна и долбит в дверь клюкой, хотя прекрасно знает, что лавка открывается в шесть. Похоже, старуха впала в слабоумие. Не говоря уж о том, что дюжина булок – это настоящее обжорство. Мука и молоко в дефиците, как она не понимает! Ты бы видела продукты для СС, которыми папе приходится пользоваться. Сухое молоко, а мука твердая как кирпич. Многие покупатели жаловались, что в булочке им попался камешек и они чуть не сломали себе зуб. Так что у меня теперь дополнительная обязанность – все просеивать. Фрау Раттельмюллер клянется, что если порежет себе десну и умрет от заражения, ее кровь будет на нашей совести. Но нет, мелко камешка не хватит, чтоб уморить эту старую ведьму. Наверняка так и будет маячить до скончания века, жевать наш хлеб и тык-тык-тыкать дурацкой своей клюкой. Век нам от нее покоя не видать.

Сегодня утром меня это утомило до предела, так что я вылезла из-под одеяла пораньше, вместе с папой, хоть и было морозно. (Эта зима холоднее прошлой. Такая холодная, что даже снег на карнизах не леденеет. Помнишь, как в декабре мы ели сосульки в сахарной пудре? И ты мне рассказывала, что снежные эльфы ужинают ими каждый вечер, и я верила, потому что мне было приятно верить, хотя я знала, что эльфов не бывает.) Я стояла внизу с подносом горячих булок, а тут фрау – ковыляет по улице к нашей двери в своем длинном пальто и шапке.

Я распахнула дверь, не дожидаясь, пока старуха вдарит по ней клюкой. Говорю: «Доброе утро, фрау Раттельмюллер! – и улыбочку ей размером с

озеро Айбзее. – Ваши булки уже вас ждут. Ах-ах, надеюсь, вы не замерзли. Как же это вы проспали? Вас, наверное, сонные гномики посетили. – И гляжу на часы с кукушкой: – Надо же, опоздали на целую минуту!»

У папы чуть припадок не случился. Он так хохотал, что все кастрюли грохотали, а фрау от злости аж позеленела. Купила вместо обычных двенадцати булок два батона с луком. Мама сказала, что папа просолил слезами целую партию пряников, но оно того стоило. Эх, жаль, тебя не было! Ты бы смеялась до слез, как в тот раз, помнишь, когда папа на Масленицу напялил шутовской колпак. Но мама нас не одобрила, сказала мне: нечего смеяться над старой женицной. Она, говорит, висит на волоске. А я ей на это: между прочим, она первая начала. Ну и потом, война ведь. Мы все тут висим на волосках. Но мама, будучи мамой, тут же достала сушеную смородину и напекла для фрау булочек святого Фомы, чтоб та не обижалась. Вот сейчас как раз понесла ей эти булочки.

Что ты там делаешь, в этом Штайнхёринге? Я ужасно по тебе скучаю. Подумать только, тебя нет уже шестое Рождество подряд! Целая вечность, а война как будто еще дальше. Здесь ничего нового. На Цугшпитце скучно. Этой зимой никто не катается. Вот бы поехать снова к морю. Помнишь, как мы летом ездили в Югославию в детстве? Бродили по каменистому пляжу и грызли холодные огурцы. Такое было счастье! А кажется, что сто лет прошло. Туда уже не вернешься. Война, война, война. Она везде, меня от нее тошнит.

Теперь хорошие новости. Слыхала – нашего друга Йозефа Хуба повысили до подполковника и перевели в СС Гармисша. Ходят слухи, что он передает информацию от Горных войск рейхсфюреру Гиммлеру. Представляешь? Но он не такой, как все. Должность несколько его не изменила. Он все так же приходит в пекарню и каждую субботу вместе с папой ест булочки с изюмом. Мама клянется, что у него самые голубые глаза в стране, но я сказала ей, что голубые глаза – не редкость. Просто он ей нравится – он ведь столько для нас сделал.

Как поживает Юлиус? Ты писала, его направили в специальный детский сад для будущих офицеров. Папа, когда я ему это прочитала, от гордости чуть не лопнул. Мы все гордимся вами обоими.

Не беспокойся о нас и о пекарне. Конечно, пайки СС маленькие и качество не очень, но у нас больше запасов, чем у других пекарей. Спасибо Йозефу, у них с папой договор: по воскресеньям днем гестапо привозит муку, сахар, масло и соль на заднее крыльцо, а в понедельник папа отвозит в их штаб тележку с хлебом. Очень выгодно. Знаю, я не должна жаловаться, что много работы, ведь многие граждане живут гораздо труднее.

Мама тебе говорила, что я иду в партийный штаб на рождественский бал? Йозеф сказал, что пора мне там появиться. Подарил красивейшее кремовое платье. Бирка срезана, но Йозеф говорит, оно из Парижа. Сначала я не хотела принимать такой подарок, но потом он подарил маме перламутровую пудреницу, а папе – трубку из палисандра. В общем, пусть это будут наши рождественские дары. Вообще-то все это очень необычно. У Йозефа нет своей семьи, вот он и балует маму и папу как собственных родителей, упокой Господь их души. Его общество для нас – большая удача, и я надеюсь, будут еще мешки с сахаром и подарками! Судя по платью, у него хороший вкус.

Попрошу папу сфотографировать меня перед вечеринкой. Хочу показать тебе платье. Напишу на Рождество. Надеюсь, письмо дойдет быстро. Почта сейчас ходит очень плохо.

Хайль Гитлер.

Твоя любящая сестра

Элси

Три

*Пекарня Шмидта
Гармиш, Германия
Людвигштрассе, 56
24 декабря 1944 года*

– Элси, живей! – крикнула мама с первого этажа. – А то герру Хубу придется тебя ждать.

Элси сражалась с пуговицами на лайковых перчатках. Она надевала их лишь однажды, несколько лет назад, на первое святое причастие. В них все, что трогаешь, кажется мягким, как тесто. Во время причастия священник подал Элси потир, и она взяла гладкую чашу руками в перчатках. Чаша показалась ей поистине божественной, а вот вино – не совсем. Дар оказался таким терпким, что Элси инстинктивно поднесла руку ко рту – и на перчатке остался след. Мама сочла это святотатством и потом целый день вымачивала перчатки в растворе уксуса, но на указательном пальце все же не отошло пятнышко.

Элси еще немного помазала нижнюю губу помадой, сомкнула губы, проверила, не торчат ли в волосах шпильки, поморгала, чтобы блестели глаза. Готова. Первый раз она ехала на партийный праздник – ее первый выход в свет, – и выглядела она превосходно. Шелковое платье цвета слоновой кости, отделанное стеклярусом, сидело как влитое, бедра и грудь в нем казались пышнее. Элси надула губки перед зеркалом и подумала, что выглядит в точности как американская актриса Джин Харлоу в «Оклеветанной»⁹.

Однажды они с Гейзель целое лето ходили на утренние сеансы контрабандных голливудских фильмов. «Оклеветанная» особенно нравилась владельцу кинотеатра, и он крутил ее по два раза в неделю. Элси как раз прошла краткий курс английского в школе и с удовольствием выдергивала из речи актеров знакомые слова. К началу занятий в школе она уже разыгрывала в спальне перед Гейзель целые сцены. Нарядившись в мамины шляпы с перьями и фальшивые жемчуга, Элси выдавала английские фразы так естественно, так музыкально, что Гейзель божилась, будто сестра сойдет за двойника американской звезды-блондинки. Это было еще до того, как Джин Харлоу умерла¹⁰, а наци закрыли кинотеатр за показ американских фильмов. Владелец, как и многие, тихо исчез.

Вскоре в Союз немецких девушек стали принимать в обязательном порядке, и Элси с Гейзель однажды пришлось клеивать афиши с Джин Харлоу и Уильямом Пауэллом суровыми фотографиями фюрера. То была инициатива их местной ячейки СНД, Элси она была не по душе. Честно говоря, она терпеть не могла СНД. Ей не давался ни один навык «жены, матери, хозяйки», кроме выпечки; а пуще всего она ненавидела групповую ритмическую гимнастику по субботам. Сестра Гейзель преуспевала и всем нравилась, а Элси душили униформа и жесткие правила поведения. Так что, чуть ей исполнилось одиннадцать, Элси упростила маму взять ее в пекарню помощницей. Папа как-то при ней ворчал, что придется платить помощнику, чтоб стоял за прилавком. Элси предложила себя. Ей – свобода от СНД, семье – подспорье. Папа согласился, но во имя национальной идеи заставил Элси пообещать, что она будет учиться доктрине Веры и Красоты гитлерюгенда у Гейзель. Поначалу Элси училась, но потом Гейзель объявила о помолвке, а замужних в СНД не оставляли. Затем выяснилось, что Гейзель беременна, и она отправилась в Штайнхёринг: материнства СНД тоже не признавал. Так что

⁹ «Оклеветанная» (*Libeled Lady*, 1936) – эксцентрическая комедия американского кинорежиссера Джека Конуэя с Джин Харлоу, Уильямом Пауэллом, Мирной Лой и Спенсером Трейси. Джин Харлоу играет невесту персонажа Трейси, но к финалу фильма влюбляется в персонажа Пауэлла.

¹⁰ Американская киноактриса, секс-символ 1930-х Джин Харлоу (1911–1937) умерла в возрасте 26 лет от отека мозга как следствия острой почечной недостаточности, под конец съемок романтической комедии «Саратога» (*Saratoga*, 1937) Джека Конуэя, в которой ее экранным партнером был Кларк Гейбл.

когда Элси доросла до практического воплощения принципов Веры и Красоты, учить ее стало некому. Ну а с началом войны Элси была занята в пекарне весь день. Что толку в «гармоническом развитии разума, тела и духа», если семья едва сводит концы с концами?

Теперь, за несколько часов до начала официальной вечеринки наци, Элси жалела, что в детстве манкировала уроками СНД. Это вроде как воображать вкус фрукта, который ты видела на картинах, но никогда не ела. Вот Гейзель могла бы дать ей хороший совет. Сама Элси ничего не знала об искусстве очаровывать – ну разве что вспоминала кинозвезду, скользящую по экрану. Сегодня она впервые пойдет на бал с мужчиной. Ошибка недопустима.

– *Ты божественно танцуешь*, – прошептала она зеркалу по-английски и представила себе, как Уильям танцует с Джин на серебристом мерцающем экране. – Элси! – крикнул папа.

Элси быстро натянула на плечи бордовый плащ, бросила последний взгляд в зеркало, кивнув утонченной даме, которая там отразилась, и направилась вниз.

На первом этаже мама в своем лучшем платье с эдельвейсами мела пол. Жесткий веник так и ходил по вычищенным половицам.

– Вряд ли Йозеф станет разглядывать хлебные крошки. Оставь мышкам на подарочек.

Мама, увидев Элси, перестала мести и подбоченилась:

– *Ach ja*, ты сегодня будешь блистать не хуже самых нарядных девиц.

– А то! – Папа вышел из кухни. – Йозеф будет счастлив. – Папа положил руку маме на плечо, мама прильнула к нему.

– Я обещала Гейзель фотографию, – сообщила Элси.

Папа пошел за фотоаппаратом. Мама расправила складки ее плаща.

– Непременно смейся его шуткам, – сказала она. – Мужчины это любят. И постарайся... постарайся быть сдержанной. Фюрер ценит в женщинах сдержанность.

– Знаю я, знаю, – простонала Элси. – Хватит меня опекать, мамочка.

– Пожалуйста, дорогая, постарайся.

Элси не ответила.

– Папа, ты нашел камеру? – крикнула она.

Мама гнула свое:

– И, умоляю, не будь непредсказуемой, как еврейки и цыганки. Ты же понимаешь, у тебя сестра в Программе. И пекарня, ты же понимаешь. А герр Хуб такой щедрый. – Она прокашлялась. – Как бы мы жили без него? Худо, как все. Вон герр Кауфманн. Пришли из гестапо среди бела дня – и поехал в лагерь. А всего-навсего отказался сына отпустить в юнгфольк. *Одно слово поперек – и все, Элси.*

Папа вернулся с камерой.

– Не уверен, что с пленкой порядок. – Он открыл затвор и взвел ручку. – *Kein Thema*¹¹.

Элси вздохнула. Мама слишком волнуется. Как большинство женщин в Германии, она хотела, чтобы ее дети были совершенны, брак – превосходен, хозяйство – образец приличия. Но, как ни старайся, Элси до совершенства недотягивала.

– Он будет с минуты на минуту, пап, скорей. – Элси встала рядом с мамой и попросила Боженьку, чтоб нынче все прошло хорошо. Только бы родители были счастливы.

– Смотри-ка, – сказал папа. – Две из трех прекраснейших женщин Германии. Ты будешь хорошей женой, Элси. Как говорит фюрер, – он сделал паузу и поднял жесткую ладонь, – твой мир – это твой муж, твоя семья, твои дети и твой дом. Мама и Гейзель – отличный пример.

Последние полгода отец только и твердил, что Элси – будущая жена, и при этом непременно цитировал фюрера. Это действовало Элси на нервы. Непонятно, зачем цитировать. Сама она старалась не цитировать никогда и никого. У нее и свои мысли есть.

– Хорошо. Ясно. Постараюсь вести себя на отлично. Снимаю.

¹¹ Все нормально (нем.).

Папа посмотрел в линзу камеры:

– Луана, поближе к дочке.

Мама придвинулась, благоухая укропом и вареными можжевельными ягодами. Элси не хотелось тоже ими пропахнуть, и она расправила плечи, чтобы не прижиматься к маме.

– Готовы? – Папа занес палец над кнопкой.

Элси улыбнулась в объектив. Хоть бы Йозеф пришел поскорее. Ей не терпелось выпить свой первый бокал шампанского. Он обещал.

Шофер остановился перед банкетным залом на Гернакерштрассе.

– До чего же красиво, – сказала Элси.

Деревянный дом облепили балконы с резными сердечками; с разноцветных фресок глядели пастухи в кожаных штанах, разодетые баронессы и ангелы с распростертыми крыльями. На каждом окне трепетали на альпийском ветру черно-красные флаги со свастикой. Каскады фонариков над снежной крышей подсвечивали ряд сосулеч, будто на дом надели корону. Замерзшие карнизы – точно сахарные разводы на имбирном прянике. Сказочный пряничный домик из братьев Гримм.

– До чего же *ты* красива. – Йозеф положил ладонь ей на колено. Тепло его руки проникло сквозь габардиновый плащ и шифоновое платье.

Шофер распахнул дверь. На снегу лежала красная ковровая дорожка, чтобы гости не поскользнулись и не запачкали обувь. Йозеф помог Элси выбраться из автомобиля. Она поспешила выскочить, пряча ступни под расшитым кремовым подолом. Платье-то Йозеф ей купил, а вот подходящих туфель не нашлось. Пришлось занять у мамы ее лучшую пару – лодочки на ремешках. Элси полировала их полчаса, но они все равно выглядели ношенными.

Йозеф взял ее под руку.

– Не бойся, – успокоил он. – От твоего прекрасного немецкого личика все будут в восторге. Он тронул ее щеку пальцем в кожаной перчатке. У нее екнуло под ложечкой – так екало, когда брецелям было пора вон из печи. Но с брецелями она знала что делать: вынуть и поставить на окно остывать. А здесь не знала, хоть и оделась как кинозвезда. Элси глубоко вдохнула. Дымок сосновых дров наполнил ноздри. Глаза увлажнились. Огни слились, она сжала руку Йозефа, чтоб не упасть.

– Ничего, ничего, – он погладил ее руку. – Улыбнись.

Она улыбнулась.

Двери дома распахнулись, послышались скрипки. Швейцар взял у Элси плащ. В свете ламп стеклярус отбрасывал на Йозефа маленькие радуги.

– Хайль Гитлер, Йозеф! – приветствовал его коренастый мужчина с липкими объедками в жестких усах.

Сколько у него там еще дряни застряло, подумала Элси, скрывая отвращение.

– Кто это? – спросил мужчина.

– Позволь тебе представить фройляйн Элси Шмидт. – Йозеф щелкнул каблуками. – Майор полиции безопасности Гюнтер Кремер.

Элси кивнула:

– Очень приятно.

– Очаровательно. – Кремер повернулся к Йозефу и подмигнул.

– Мы с Гюнтером знаем друг друга много лет. Служил в моем отряде в Мюнхене. Фрау Кремер с тобой?

– Да, да. Где-то здесь. – Кремер махнул рукой через плечо. – Обсуждает свои оловянные ложки и тому подобный вздор. Выпьем?

Они пошли с Кремером по коридору: нацистские флаги, елки, засахаренные фрукты. Кремер разглагольствовал о вине, угощении, приглашенной элите. Элси не слушала, ее ошело-

мило окружающее великолепие. Все как в ее мечтах: роскошные балльные залы, праздничный вечер, точь-в-точь голливудский фильм из детства. Сердце колотилось. Ах этот желанный мир, куда ведет ее Йозеф, мир власти, престижа, эйфорического упоения! Люди и вещи – все пропитано роскошью, как клубничный торт – сиропом. Забыты доска и скалка, печь и зола; смыта с ладоней грязь монет и талонов на паек. Рядом с Йозефом Эlsi легко притвориться одной из них – принцессой Третьего рейха. Притвориться, что снаружи нет ни голода, ни страха.

Коридор вывел в огромный банкетный зал. Поперек зала стояли длинные белые столы, у каждого четвертого стула – серебряные канделябры. Струнный квартет на возвышении дружно водил смычками туда-сюда. Медленно, как детальки часового механизма, кружили танцующие пары. Мужчины в эсэсовской форме складывались в узор из черных мундиров и красных нарукавных повязок. Женщины дополняли пейзаж трепещущими тенями платьев, сливовых и персиковых, апельсиновых и огуречных – урожаем юности и зрелости.

Сочная брюнетка в пурпурном плиссированном платье осмотрела Эlsi с головы до ног, задержавшись на носках туфель. Эlsi проследила за ее взглядом и поспешно спрятала мамину обувь под платье. Подошел официант с подносом светлых пузырящихся фужеров. Йозеф подал фужер Эlsi:

– Ну вот. Я держу слово. Только осторожнее. Как оно подействует, можно понять, только когда попробуешь.

Шампанское. Эlsi проглотила слюну. Кинозвездам на экране оно кружит голову с полглотка. Пусть и Эlsi вскружит, как в сказке. Любуясь, она взяла бокал. Никогда не знала, какого оно цвета, оказывается, светлое золото, точно зрелые колосья пшеницы. Наверное, сладкое, как мед, и сытное, как хлеб. Эlsi облизнула губы и отпила.

Рот больно щипануло колкими пузырьками. Сухой брют. Полон рот разведенных в воде дрожжей. Эlsi сглотнула, чтоб не выплюнуть напиток обратно в фужер, но не успела скрыть гримасу.

Йозеф засмеялся:

– Привыкнешь.

– Давай еще глоток, потом еще. Если не понравится и с третьего, я допью. – Кремер хмыкнул. На тучном брюхе затрещали пуговицы.

Против своей воли Эlsi вспомнила мамин совет и выдавила жалкий смешок. В конце концов, это товарищ Йозефа. Ей хотелось ему понравиться. Она последовала совету Кремера и принялась глотать, стараясь допить побыстрее.

– Прозит! Стойкая у тебя фройляйн, Йозеф, – сказал Кремер. – Давайте станцуем, а Йозеф тем времени добудет вам еще.

Эlsi поймала взгляд Йозефа.

– Я не очень хорошо танцую, – сказала она.

– Ничего. – Кремер взял ее под локоть и повел к танцполу. – Я медленно.

Он притиснул ее к себе, одну руку положил ей на талию, другой сжал пальцы в перчатке. Его жесткий мундир вминал стеклярус платья ей в кожу тысячей маленьких иголок.

Эlsi глянула на Йозефа через плечо. Тот улыбнулся, отсалютовал ей пустым бокалом. Когда он отвернулся, чтобы позвать официанта, рука Кремера скользнула по шифону ниже спины.

Эlsi отпрянула. Щеки вспыхнули.

– Герр Кремер!

Он схватил ее за руку и дернул к себе:

– Тихо! Это званный вечер. Не надо сцен, фройляйн. – Он оскалился и закружил ее в толпе. – Я хотел поговорить с вами приватно. Видите ли, некоторым кажется странным, что человек с положением Йозефа ухаживает за необразованной дочерью простого пекаря, в то время как есть девушки получше, включая вашу сестру.

Она поморщилась при намеке на ее школьные успехи. Гейзель окончила гимназию одной из лучших, Эlsi же ограничилась *хаунтшколе*, да и там не доучилась: после восьмого класса уже работала в пекарне целыми днями. Хотя она видела майора Кремера впервые, он слишком осведомлен о ней и ее семье.

– В наши дни вокруг столько шпионов. Красивое новое личико всем подозрительно. – Он сунулся совсем близко и взгляделся ей в лицо, обдав горячим тухлым дыханием.

Эlsi резко отвернулась:

– Моя семья знакома с Йозефом много лет.

– Да, но откуда мне знать, сколько секретов ты успела передать врагу.

– Я не шпионка! – прошипела она. – Мой отец печет хлеб для штаба партии в Гармише.

Моя сестра в Программе Лебенсборн.

– Мне неинтересно про твоего отца и сестру. Мне интересно про тебя. – Он цыкнул зубом.

Они кружились по танцполу. Женщина с павлиньими перьями в седых волосах наморщила нос, когда они столкнулись локтями. Эlsi нервно сглотнула. Голова шла кругом. Никакая она не шпионка, но чем это докажешь? Одними словами?

От мундира Кремера несло потом и табаком. Пузырьки шампанского подкатывали к горлу. Ей хотелось закатить майору пощечину, позвать Йозефа, но острые молнии на эсэсовской эмблеме напомнили, что тогда грозит ей и ее родным, и она проглотила горечь.

Песня окончилась. Квартет опустил смычки, музыканты встали и поклонились.

– Шампанское, дорогая.

С перепугу Эlsi выбила бокал из рук Йозефа; вино, шипя, пролилось на них.

– Ой, извини, пожалуйста. – Она стерла капли с лацканов его мундира. Крахмал не дал им впитаться. Ее платью повезло меньше: шампанское исполосовало кремовый подол.

– Это можно поправить. – Йозеф взял ее под локоть. – Я знаю место, там что угодно отчистят мылом и свиной щеткой. – Он поцеловал ей руку.

– Спасибо за танец. Это было восхитительно. – Кремер щелкнул каблуками и с усмешкой удалился. Руководитель квартета вышел на подиум:

– Дамы и господа, усаживайтесь, пожалуйста, поудобнее, и мы начнем наше рождественское представление.

Йозеф и Эlsi сели поближе к центру зала. В дальнем конце стола восседал Кремер с фрау Кремер, слабой тенью женщины, остроносой и осунувшейся. Она поймала взгляд Эlsi и сузила глаза.

Чтоб не смотреть на нее, Эlsi развернулась к Йозефу.

– Йозеф, – начала она. Голос дрогнул, она прокашлялась, чтобы звучать увереннее. – Мне надо поговорить с тобой о...

– Смотри, смотри! – перебил он и уставился на сцену. – Сейчас будет сюрприз. Ты любишь музыку? Вагнер, Хоттер, Клеменс Краус?¹²

Пальцы Эlsi онемели. Она расстегнула пуговицы на перчатках, стянула с рук замшу, мокрую от шампанского.

– Люблю, но я не бывала в опере.

– Тц-тц-тц! – Он сокрушенно нахмурился. – Я принесу тебе пластинки.

У Эlsi не было проигрывателя, но сейчас ей не хотелось об этом говорить. Она сняла перчатки и сразу почувствовала себя голой, тотчас замерзли ладони. Пытаясь успокоиться, она переплела пальцы. – Йозеф... – снова начала она.

¹² Ханс Хоттер (1909–2003) – немецкий певец, бас-баритон, известен исполнением ролей в операх Вагнера и немецких песен. Клеменс Краус (1893–1954) – австрийский дирижер, в 1937–1944 гг. художественный руководитель Баварской государственной оперы.

– А теперь, – возвестил руководитель квартета, – короткое музыкальное представление, чтобы развлечь вас во время обеда! – Он опустил стойку микрофона, поставил перед ним скамеечку, уселся на место и взял скрипку.

Йозеф приложил палец к губам.

– Позже, – прошептал он.

Зрители с любопытством зашептались, а потом воцарилась тишина. Тучная женщина из вспомогательной эсэсовской дружины, с копной седых волос на макушке, вывела на сцену мальчика лет шести-семи. В простой белой рубашке, белых перчатках, черных брючках, на шее бант. Обычный нарядный мальчик, если бы не бритый череп и не землистое лицо, – не мальчик, а безликий призрак. Женщина велела ему встать на скамеечку, и он, опустив голову, встал. Затем поднял глаза, огромные и блестящие, как родниковая вода.

Скрипач взял высокую певучую ноту. Мальчик сжал кулачки, глубоко вдохнул, раскрыл рот и запел. Дискант отозвался в коридорах. Все затихло, все смотрели на сцену. Голос был чистый и мягкий, как свежее масло. У Элси захватило дух. Она много раз слышала рождественский гимн и сама его пела, но никогда прежде «Ночь тиха» не звучала так прекрасно.

– *Ночь тиха, ночь нежна...*

Скрипка стихла, но голос лился.

– *Только фюрер наш не спит, день и ночь за нас стоит...*

Мальчик все пел, а между тем начали подавать ужин. Официанты брякали фарфором на лакированных подносах, лили рубиновое вино в подставленные бокалы. Возобновилась беседа. Какая-то женщина слишком громко рассмеялась.

– *Неусыпно нас хранит...*

Элси закрыла глаза.

– Вино? – осведомился официант за ее плечом.

– *Ночь тиха, ночь свята...* – Голос мальчика не спотыкался, не сходил с безупречных своих вершин.

К горлу Элси подкатил комок. Чувства, которые она весь вечер старалась подавить, переполнили ее.

– Отличный голос, – сказал Йозеф.

Элси кивнула и моргнула. Глаза увлажнились.

– Откуда он?

– Он пел прибывшим арестантам в Дахау, – объяснил Йозеф. – Штурмшарфюрер Викар услышал и теперь возит его на званые вечера. Всем нравится. Уникальный голос, завораживает, если забыть, откуда он исходит.

– Да, уникальный. – Элси взяла себя в руки.

– *Силу, благо нам несет. Дай же немцам власть над миром.*

Пение окончилось.

К микрофону вышел скрипач:

– Прочитую фюрера: «Природа – это гигантская схватка между слабостью и силой и вечная победа силы над слабостью». – Он щелкнул каблуками и взмахнул смычком. – Приятного аппетита.

За столом вновь загомонили, застучали приборами. Скрипач заиграл другую песню, мальчик запел, но Элси еле различала его голос в обеденном шуме.

– Он еврей? – спросила она Йозефа.

– Его мать была еврейской певицей, отец – польским композитором. Музыка у него в крови. – Йозеф разрезал булочку, намазал маслом.

– Мой племянник Юлиус поет. Гейзель говорит, что неплохо.

– Надо бы его послушать. – Йозеф переложил половину булочки на тарелку Элси. – А у этого мальчонки сегодня последнее представление. Завтра его отошлют обратно в Дахау. В

Арденнах такое творится... – Он откусил от булочки и нервно проглотил. – Прости. Это тема не рождественская.

Она впервые услышала о лагерях несколько лет назад, когда посреди ночи исчезла семья Грюн, торговавшая лучшим шампунем и мылом в округе. Элси заходила к ним в магазин не реже раза в месяц. Их сын Исаак, самый симпатичный парень в городе, был на два года старше нее. Однажды, когда она покупала медовое мыло, он ей подмигнул. Потом, лежа в теплой ванне, она втайне думала о нем, и пар окутывал ее ароматной вуалью. Теперь она этого стыдилась. В городе Грюнов любили, хоть они и евреи. А затем их магазин пометили желтой звездой и они исчезли.

Неделю спустя в очереди к мяснику она подслушала, как сапожникова жена шептала продавцу, что Грюнов отослали в Дахау, где людей моют как скот, распыляют на них щелок и поливают из шланга, а шампунь и вовсе не нужен, потому что всех бреют наголо. Тут Элси не выдержала и выскочила из лавки. Когда мама спросила, где барашек, Элси, хоть и видела в загоне с полдюжины ягнят, ответила, что у мясника баранины нет. Об услышанном она молчала и о Грюнах не спрашивала. Да и никто о них не говорил. И, хотя сапожникова жена никогда не сплетничала, Элси все же решила, что верить ей не стоит. Но вот перед ней обритая голова мальчика-певца, и от этого уже не отмахнешься.

Йозеф понюхал вино, отпил.

– Давай поговорим кое о чем поинтереснее. – Он сунул руку в карман и вынул коробочку. – Как увидел, сразу понял, что это знак. – Йозеф открыл крышку: золотое обручальное кольцо с рубинами и бриллиантами. – Мы с тобой будем счастливы вместе. – И, не дожидаясь ответа, надел кольцо Элси на палец.

Официанты принесли блюда, расставили между канделябрами.

В Элси вперилось рыльце жареного поросенка с добела прожаренными глазными яблоками, с хрусткими, чуткими ушами. Поросенка обрамляли мягкие картофелины, а белые сосиски – будто хвост. Элси в жизни не видала столько еды сразу. Но все ее нутро сжалось от отвращения.

– Выйдешь за меня?

В ушах у Элси зазвенело. Йозеф почти вдвое старше, приятель отца, она любила его как доброго дядю, как старшего брата, но стать его женой?.. Взгляды партийцев справа и слева давили, как челюсти деревянного щелкунчика. Интересно, Йозеф давно собирался? А она по наивности не заметила?

Драгоценные камни в свете свечей мерцали кровью.

Элси уронила руки на колени.

– Это слишком, – сказала она.

Йозеф воткнул вилку поросенку в брюхо и положил себе и Элси по куску мяса.

– Понимаю. Кругом столько всего, а тут еще я со своим предложением. Но я не мог удержаться. – Он рассмеялся и поцеловал ее в щеку. – Рождественский пир удался!

Элси сосредоточилась на еде, чтобы не смотреть на руку с кольцом. Но поросенок оказался такой жирный, что его и жевать не пришлось; студенистая корочка скользнула по пищеводу; серая картошка разварилась, переваренная сосиска разбухла. Элси запила все это красным вином. Кислота обожгла горло, как на первом причастии. Хлеб. Она откусила от булки с маслом – знакомый, утешительный запах.

Пока ели, Элси не произнесла ни слова. С переменной блюд закончилось и пение. Оркестр вернулся на места. Пришло время десерта и танцев. Элси через головы сидящих видела, как конвоирша СС увела свою пленную певчую птичку за кулисы через служебный вход.

– Что будет с мальчиком? – Она повернулась к Йозефу: – Его отправят обратно?

Серебряные канделябры отразили объединенного поросенка и партийные мундиры на каждом втором стуле.

Ложка с картофельными клецками замерла на полдороге.

– Он еврей.

Йозеф отправил мучных червяков в рот, и официант забрал у него пустую тарелку.

Элси сказала как можно спокойнее:

– Он же еврей только наполовину... и у него такой голос. – Она пожала плечами. – Наверно, с ним не надо как с другими.

– Еврей есть еврей. – Йозеф взял ее за руку и потрогал кольцо. – Ты слишком чувствительная. Забудь, у нас сегодня праздник.

Жар волнами поднимался от свечей. В висках у Элси запульсировало. В голове нарастал вязкий шум.

– Йозеф, прости, пожалуйста... – Она отодвинула стул и встала.

– Все нормально?

– Да, ничего особенного. Я на минутку...

– А-а, – кивнул Йозеф. – Туалет по коридору и направо. Не потеряйся, а то пошлем гестапо на поиски, – засмеялся он.

Элси сглотнула и выдавила жалкую улыбку. Она неторопливо прошла по сияющему банкетному залу, но, как только выбралась в полутемный коридор, ускорила шаг и мимо двери с надписью «Туалет» заспешила к выходу в переулок.

Четыре

«Немецкая пекарня Эли»

Эль-Пасо, Техас

Трейвуд-драйв, 2032

5 ноября 2007 года

У Ребы зазвонил мобильник.

– Извини. – Прочла сообщение: «у нас фургон с нелегалами. буду поздно». Вдохнула и засунула телефон в сумочку.

– Что-то не так? – спросила Джейн.

– Да нет, «Рудис-барбекю» рекламу шлет. Я у них постоянный клиент.

– Все ясно, дорогуша. – Джейн побарабанила пальцами по столу. – Бойфренд?

– Не совсем. – Реба поворошила предметы в сумочке и застегнула молнию.

– Да ладно. – Джейн показала, как запирает рот на замок. – Между нами, девочками.

Реба замешкалась. Джейн снова приблизилась – нет, перешагнула черту, отделяющую журналиста от интервьюируемого. Это непрофессионально – говорить о своих отношениях. Расспрашиваешь людей об *их* жизни, все записываешь, а потом это печатают в журнале для тысяч читателей. Реба славилась своими очерками. Кого бы ни поручила ей редактор, Реба вытаскивала всю подноготную; однако ее частная жизнь – другое дело, и нет причин менять подход. Эту женщину она видит первый раз. Абсолютно незнакомый человек. Совершенно недопустимо с ней откровенничать.

Но в этой Джейн было что-то необъяснимое, какая-то спокойная сила, надежность – или Ребе так казалось. По правде говоря, у Ребы почти не было друзей в Эль-Пасо. Людям она не доверяла. Слишком многие говорили одно, а делали другое. По сути – врали. Не то чтобы она их осуждала. Она тоже каждый день врала, по мелочи и по-крупному, даже себе. Убеждала себя, что дружба ей не нужна. Она – независимая, самодостаточная и свободная. Лишь Рики она решила открыться, да и то не до конца. А в последнее время и с ним все прокисает. Подступала знакомая пустота, которая однажды чуть не поглотила ее целиком. Реба скучала по старшей сестре Диди и по маме. По семье. По тем самым людям, от которых уехала за тысячи миль.

В тихие ночи, когда Рики задерживался на работе, ей становилось одиноко, как в детстве, и она наливала себе бокал вина и открывала кухонное окно, чтобы ветер пустыни колыхал льняные занавески. Все это напоминало ей последнее августовское воскресенье в Ричмонде. Диди взяла две бутылки шато-морисетт. Они пили на свежеподстриженной лужайке, босиком, и к ногам липли срезанные травинки. Когда открыли вторую бутылку, в ночь лилось уже не только вино. Захмелевшие от призрачных мечтаний, девочки забыли детские слезы и рисовали картины идеального будущего. Они пировали, пока даже светляки не погасили свои фонарики. Впервые сестры поняли, зачем их папа пил бурбон как лимонад. Как это здорово – притворяться, что мир прекрасен; залить вином страхи, прогнать воспоминания, расслабиться и просто получать удовольствие, хотя бы несколько часов.

Реба потеряла жилку на лбу.

– Это мой жених, – сдалась она.

– Да ты что! – Джейн выпрямилась в кресле. – А где кольцо?

Реба вытащила из-под рубашки цепочку. На цепочке болталось кольцо с бриллиантом.

– Брюлик, – сказала Джейн. – А почему не на пальце?

– Печатать неудобно. По-моему, оно мне мало. – Можно же растянуть.

Реба вынула диктофон и понажимала на кнопки. – А когда свадьба? – не отступала Джейн.

– Мы пока не назначили. Ужасно заняты оба. – А помолвка когда была?

– Э-э... – Реба мысленно полистала календарь. – В августе.

Джейн кивнула:

– Подготовьтесь заранее, чтобы все прошло как надо. Могу показать меню свадебных тортов. Будет тебе пицца для ума.

Реба пожалела, что проболталась. Она прибегла к излюбленной, проверенной журналистской тактике: вернуть вопрос тому, кто его задал.

– А ты замужем?

Джейн сняла с плеча тряпицу и помахала ею, как гимнастка лентой.

– Ха. Я уже старушка. Моя весна давно отцвела. – Она облокотилась на стол. – Не говоря уж о том, что для мамы главное в мужике – погоны. Ну, она так прямо не высказывается, но я четко поняла: если замуж, то только за военного. Как мой отец. Армия США, люфтваффе и так далее. Но я по натуре не солдатка. Все эти ленты и мундиры – чокнуться можно. Пойми меня правильно: они делают нужное дело, служат родине, жертвуют собой, я их уважаю и ценю. Это классная профессия, и каждый раз, когда войска возвращаются в Форт-Блисс, я им привожу всю нашу выпечку, и, заметь, даром. Но я не хочу военных в постели и замуж за них не собираюсь.

Седая прядь упала ей на глаза, и она резко заложила ее за ухо.

– Я даже ни разу не приводила парней домой. Не видела смысла. – Джейн выпрямилась в кресле и склонила голову, глядя на Ребу в упор. – Но кое-кто у меня есть. Мы вместе много лет. Я была еще тощей веснушчатой девчонкой, когда мы познакомились. Никогда не предлагал пожениться. Пусть это прозвучит нехорошо, но, знаешь, очень трудно быть верным, когда не можешь навесить на человека табличку: «Мое». Ужасно трудно.

Джейн глянула на Ребину цепочку с кольцом.

Реба поерзала, пытаясь стряхнуть ее взгляд. Откашлялась.

– Кажется, мы с тобой из одной колоды. Я тоже не скачу галопом под венец.

– Славное колечко, – сказала Джейн.

Колокольчик на двери звякнул, и вошел мужчина в серой армейской фуфайке.

– Подсказать что-то? – спросила Джейн. Она встала, взяла лавандовый очиститель и вернулась за кассу.

– Да. – Он отчаянным взглядом рыскал по прилавку. – Жена хочет торт. У сына день рождения. Она попыталась испечь, а тесто не поднялось. Праздник после обеда, ну и я к вам. – Он сжал кулаки, потер костяшки. На запястье виднелся коготь наколотого орла. – Если можете, было бы здорово. Она у меня из Германии. Приехали в Блисс месяц назад, она тут никого не знает, все друзья и родные в Штутгарте. Говорит, в Албертсоне нет ингредиентов, а замороженный торт, который я с утра купил, она выкинула. Хочет, чтобы торт вышел как домашний. – Голубые глаза с мольбою глянули на Джейн. – Ради счастья моей жены. Может, у вас заваялся где-нибудь лишний немецкий торт...

Джейн кивнула:

– Сейчас поговорю с мамой. Она умеет делать торты буквально из воздуха.

Она ушла за занавеску. Реба ждала воплей и лязга, но все было тихо. Через минуту Джейн вернулась.

– Два часа у вас есть?

Мужчина выдохнул и разжал кулаки.

– Праздник в три.

– Торт будет готов.

– Отлично! Спасибо вам огромное! – И он двинулся к дверям, но Джейн окликнула:

– Как зовут вашего сына?

– Габриэль, Гейб.

– Напишем на торте.

– Ага, жене понравится, и ему тоже. Спасибо вам огромное еще раз, вы даже себе не представляете, до какой степени меня выручаете... – Ветер захлопнул за посетителем дверь.

– Вот она, любовь, – рассмеялась Джейн. – Человек выпрыгивает из штанов, чтобы помочь женошке устроить праздник для малыша. – Она записала имя на листке бумаги. – Никогда не покупалась на грандиозные романтические жесты. Любовь – это по чуть-чуть каждый день, это когда каждый день заботятся, греют и прощают.

Реба всегда считала, что любовь – это дикое, необузданное чувство. Настоящая любовь, полагала она, ярко горит и сгорает дотла. Пламя страсти не может мерцать кое-как, распыляясь в буднях и банальностях. Реба вспомнила, как сейчас у них с Рики: этот осторожный выбор слов, эта невыносимая вежливость – будто актеры с расписанными ролями. Реба засунула цепочку с кольцом за пазуху.

– Теперь с этим заказом я уже и не уверена, что мама сегодня даст интервью. Сможешь прийти еще раз?

Вообще-то Реба хотела покончить с интервью в один присест. Но теперь, просидев здесь час, она была уже не против вернуться. Как ни странно, ей даже нравилась эта мысль.

– Конечно. Заодно принесу фотоаппарат. Журнал пришлет фотографа, но мне хотелось бы самой снимать, если вы не возражаете.

– Запросто! Знаешь что, – Джейн залезла в витрину, – ты столько прождала, возьми что-нибудь. Мама говорит, если с тобой есть штрудель, ты уже не одинока. – Она достала ломоть сочного штруделя с глазурью из творожного сыра.

– Спасибо, но мне нельзя, – мягко ответила Реба. – Я не ем молочных продуктов.

Джейн поставила штрудель на место.

– Бедняжка! Это не лечится?

Реба покачала головой:

– У меня нет непереносимости лактозы. Я могу есть молочное. Просто не хочу. В колледже я была в Обществе защиты прав животных. «Молоко – отстой» и тому подобное.

Джейн подняла брови:

– Молоко – отстой?

– Была у них такая кампания, – пояснила Реба.

– Ох. – Джейн сжала губы. – Ну ладно, тогда, может, *лебкухен*? Мамино коронное блюдо. Это просто пряник на миндальном масле. Без сливочного. Семейный секрет, обещай не разглашать.

Джейн явно не отпустит ее с пустыми руками, и Реба согласилась.

– Обещаю.

Вечером Реба сидела одна за кухонным столом, отщипывая кусочки от пряника. Миндальные лепестки на нем складывались в цветы. Такой красивый пряник даже есть жалко, но день был долгий, и у Ребы не осталось никакой воли. Патока и сухая корица застревали в горле, и она налила себе стакан обезжиренного молока. На поверхности плавали пузырьки. Стакан стал жемчужно-белым.

Не буду есть, сказала себе Реба, когда пришла домой, но пряник, конечно, не выкинула, а положила на кухонную стойку. Сладкий запах просочился из кухни на верхний этаж, где Реба расшифровывала свои записи в спальне. Наконец, когда солнце истаяло в пустыне и взошла осенняя луна, оранжевая, как ванильное печенье, Реба уступила своему одиночеству, спустилась и нашла утешение в сладком.

Надо бы оставить для Рики, но тогда он спросит, как прошел день, а у нее нет сил объяснять, почему она проболтала с Джейн целый час и ни слова не записала на диктофон. И он

неизбежно поинтересуется, о чем они говорили, а открывать этот ящик Пандоры совсем не хочется. Но никак не выкинуть Джейн и пекарню из головы – и изо рта.

Реба обмакнула последний квадратик в молоко, сунула в рот, прожевала. С глаз долой – из сердца вон, хорошая поговорка? Она допила молоко и вымыла стакан, не оставляя следов.

Сначала это была просто маленькая ложь: притворяться, будто она не ест молочного. Теперь она врала уже так давно, что не могла остановиться.

Началось в колледже. Соседка Ребы, миниатюрная девочка Саша Роуз, дочь сингапурских экспатов, страстно обожала две вещи: веганство и искусство Италии. Саша не участвовала в ночных пирах с пиццей пепперони и куриными крылышками, где каждый лопал сколько влезет. Вместо этого Саша вкушала гладкие, как камешки, бобы эдамаме из изящной миски, грызла темно-красный натуральный инжир и изучала Тициана с Боттичелли.

На первом курсе в день посещений из-за океана прилетели Сашины родители. Мама, с проседью и британским произношением, была просто вылитая Саша.

– Как я по тебе скучала, моя лапушка, – проворковала она и так искренне и тепло прижала Сашу к себе, что у Ребы кольнуло в груди. Пришлось отвернуться.

Сашин папа, родом из Флориды, из Таллахасси, высокий и загорелый, веселый, заразительно улыбался. Его обаяние грело, как флоридское солнце. Саша и его бросилась обнимать, и Реба заметила, что миссис Роуз не обиделась и не заревновала, а, наоборот, просияла.

– Реба, пойдем с нами обедать! – предложил мистер Роуз и легонько приобнял ее за плечи. Ребу при этом так передернуло, что он добавил: – Если занята, мы не обидимся.

Нет, она не была занята, но ей стало неуютно, и она боялась, что за обедом это не пройдет.

– У меня в понедельник тест, – соврала она, и он догадался, что это ложь, – улыбка его смягчилась.

Мама Ребы и сестра Диди не приехали – были заняты. У мамы собрание Лиги¹³, Диди готовилась к выпускным экзаменам. Приглашение было приятно Ребе, но при виде замечательных Сашиних родителей ее охватила тоска по родным – по маме, Диди, даже папе. Безнадежная тоска.

– Успехов в учебе, – сказал мистер Роуз. И удалился со своими женщинами под руку.

Закрывая за ними дверь, Реба глянула в зеркало и столь беспощадно сопоставила свое отражение с симпатичными Роузами, что тут же натянула на голову капюшон толстовки, бросилась на кровать и зарылась в одеяло, как мышь в нору.

Реба вечно депрессовала и комплексовала. Толстая там, где надо быть худой, плоскогрудая и слишком высокая, она не дружила с девчонками в классе – те были все как на подбор тусовщицы и чирлидеры, младшие сестрички друзей Диди. В шестнадцать, когда умер папа, Реба окончательно порвала с обществом и после школы торчала в кабинете журналистики над мирными газетными разворотами и безмолвными фотографиями.

В первом семестре Диди посоветовала ей чем-нибудь заняться: йогой, танцами, плаванием, рисованием. Начать новую жизнь. Вместо танцев Реба отправилась на бокс: пара перчаток и спарринги с тренером. В кампусе все знали ее по фотографиям в «Дейли кавальер»: выпяченные губы (под ними капа), всклокоченные волосы под банданой; в перчатках, наготове. Как будто и не из тех Адамсов. Вот Диди была выдающейся дебютанткой: дочь ветерана Вьетнама, правнучка владельца одного из крупнейших сталелитейных заводов Ричмонда, розовощекая, улыбчивая, живая и остроумная. Диди уже училась на юрфаке. А Реба... Все кропала в блокнот и одевалась как парень. Мама и сестра, наверное, разочарованы.

И вот, по странному выверту ума, она решила подражать Саше, учиться у нее и, может, перенять ее изысканность. Первый шаг: стать веганом. Она узнала все о стиле жизни и диете.

¹³ Ассоциация «Младшая лига» – сеть благотворительных обществ в США и Канаде, члены которых, главным образом женщины, занимаются волонтерством и учатся работать в команде.

Оказалось, что правила суровы: веган не должен есть животных, точка. Реба решила, что дело защиты животных того стоит, но совсем уж никого не есть – это слишком. И она выбрала коров. Никакого йогурта и сыра, масла и говядины. Каждым несъеденным мороженым она спасет корову. Так она и поступала недели три.

Потом пришел День святого Валентина, и Саша напомнила ей, что ради производства шоколада у телят отнимают молоко матери. Саша с бойфрендом пошла в Общество защиты прав животных на веганский банкет «Вегги Виагра», а Реба осталась дома.

Тоска в тот вечер стала почти невыносимой. Она просто глодала Ребу изнутри. Голодный волк, как выражался папа. Днем, говорил он, этот волк крадется за ним, прячась в тени, а ночью ка-ак выскочит – и все в клочки раздерет. Так он рассказывал девочкам, а глаза были мутные-мутные. Потом нальет себе еще стаканчик, отхлебнет, улыбнется и скажет шутливо: только маме ни словечка. Они обещали не говорить, а сами скрещивали пальцы за спиной: тогда обещание не действует. Впрочем, мама все равно отмахивалась:

– Сказки про злого буку. Он много чего болтает, когда на него находит. Идите спать, девочки, доброй ночи.

После смерти отца, разбирая его бумаги, Реба нашла медицинскую карту. Оказывается, он годами лечился от тяжелой депрессии электросудорожной терапией и каждый четверг посещал психиатра в медицинском колледже Вирджинии. Доктор Генри Фридель отмечал, что еще «в преморбидном периоде» ее отец страдал от хронической тоски, тревоги, безнадежности; часто объедался, а затем надолго терял аппетит; его мучили бессонница, неспособность принимать решения, чувство вины, сильные перепады настроения и измененное чувство реальности. Читая этот список, Реба напряглась: полный список ее симптомов. Далее доктор Фридель замечал, что все эти давние симптомы были скрыты от армейской медкомиссии и в боевых условиях обострились.

Там же лежала стопка записей с отцовских психотерапевтических сессий. Когда Реба складывала их в коробку, один листочек скользнул на пол. Любопытство победило, и Реба прочла:

28 февраля 1985 года

В дополнение к предыдущим жалобам пациента и вышеупомянутому лечению, мистер Адамс продолжает страдать бессонницей из-за ночных видений и флэшбэков, связанных с его участием во Вьетнамской войне. В разговоре он по-прежнему вспоминает женщину и ее несовершеннолетнюю дочь из Сон-Тинха, которых он, по его утверждению, изнасиловал под влиянием психотропных веществ, нелегально приобретенных у местных жителей. Мистер Адамс сообщает, что впоследствии наткнулся на черного волка, пожиравшего мертвые тела женщин. (Мне не удалось установить, существовал ли этот волк в реальности или, что вероятнее, олицетворяет подсознательную вину пациента.) Особенное внимание пациент обращает на эмблему своего батальона, вырезанную на обнаженных грудях жертв. Мистер Адамс не помнит, сам ли он так изуродовал трупы или это сделали его товарищи, а также сам ли он их убил. Так или иначе, этот эпизод остается главной темой наших бесед и подпитывает его тревогу, вину, резкие перепады настроения и, как следствие, страх одиночества. Пациент колеблется между рационализацией и самообвинением.

Сегодня мистер Адамс вновь подробно описал, как выполнял приказ атаковать деревушку и «зачистить» всех вьетконговцев. На вопрос о том, как он себя чувствовал, убивая гражданское население, женщин, детей и стариков, мистер Адамс ответил: «Нам говорили, что мы должны их прикончить. Мы выполняли приказ. Я старался быть хорошим солдатом. Я

не хотел там быть. Я хотел быть дома со своей семьей». На вопрос о том, было ли ему приказано насилловать женщин, мистер Адамс отреагировал бурей эмоций и неуравновешенным поведением, затем попросил ввести ему анксиолитик внутримышечно. Сессия закончилась раньше времени. Я назначил ему лоразепам и запланировал дополнительную консультацию на вторник, 5 марта.

Реба вставила страничку обратно. Хотелось повернуть время вспять, поднять листок с пола не читая. Реба не желала знать секретов отца. Ей хватало и собственных грустных воспоминаний. Она упрятала папки подальше в коробку и заклеила крест-накрест липкой лентой, понадеявшись, что запечатала прошлое и похоронила папиного волка навсегда.

Но в тот Валентинов день, одна в комнате, Реба услышала одинокий, унылый волчий вой, от которого ее пробрала дрожь, и кинулась в магазинчик кампуса, где все было залито светом, купила пинту молока и самую большую коробку вишен в шоколаде.

– Вот ему повезло, – заметил студент-кассир.

Реба кивнула и улыбнулась:

– Ага.

Кассир вообразил, будто ей есть с кем поделиться, думала она дома, поедая вишни ряд за рядом. Молоко выпила прямо из упаковки. Сладкое, как всякий запретный плод.

Потом, когда остатки молока на упаковке начали киснуть в мусорном ведре, Саша спросила, что это за запах.

– Соевое молоко, – ответила Реба. – Наверное, бобы некачественные.

Саша взглянула на нее и пожала плечами:

– Я тоже однажды купила плохие. В следующий раз бери органические. Они всегда хорошего качества.

Вот так все и началось. Поначалу незаметно. Но прошло десять с лишним лет, а Реба продолжала врать. Ложь уже не помещалась в упаковку молока. Вранье прорастало, как плесень, там и сям и портило весь урожай.

Выдумать себе новую жизнь – простой способ стать другой, казалось Ребе. Забыть семью и детство: отца, то истерически взбалмошного, то унылого; запах виски у него изо рта во время вечерних молитв; и как она пряталась в чулане, уткнувшись в кружева на подолах воскресных платьев; и как папа лежал распостертый на полу с веревкой на побагровевшей шее; и вопль сирены, и мамины слезы, и злость над его могилой, потому что он выбрал легкий путь, оставил их одних; и угрызения за эту злость.

Она не хотела быть той Ребой. Стоит только выдумать другую историю, и ее семья станет идеальной, такой, какую мама всем показывала. Отец – герой Вьетнама, а не измученный страхом человек, что надевал улыбку, как цветной галстук, пока его не удушила петля.

Реба не понимала смысла маминых уверток. Если б мама честно призналась дочерям, что папа болен, может быть, они вместе смогли бы помочь ему, спасти от самоубийства. Может, втроем своей любовью удержали бы его. Но, ища виноватых, Реба всегда вспоминала рычание отца за стеной, вскрики матери, разбитые стаканы и запах оладушков с орехами пекан, которые мама обязательно пекла наутро после скандалов. Их аромат перебивал дух пролитого на пол виски. Стараясь порадовать маму, Реба и Диди съедали такую гору оладий, словно это был их последний завтрак. Мама притворялась по тем же причинам, что и Реба, – приятно верить лжи. Реба знала одно: мама любила папу, а от любви закрываешь глаза на что угодно. Мамина беспомощность Ребу ужасала.

Теперь Реба, уже взрослая, еще сильнее хотела сбежать из своей жизни. Иногда в аэропорту или на вокзале, среди людей, которых больше не встретишь, Реба делала вид, что она – не она, и, что больше всего пугало, сама верила своим фантазиям.

Однажды в поезде из Ричмонда в Вашингтон она разговорилась с неким предпринимателем. Наврала, что занимается конькобежным спортом, участвует в Олимпийских играх и едет на встречу с товарищами по команде. Бизнесмен заплатил за обед – приятно же пообедать со спортсменкой такого калибра. Когда они расстались, Ребу так замучила совесть, что даже живот заболел. Она выблевала стейк в унитаз и помолилась Богу о вменяемости, душевном здоровье, без раздвоения личности, психозов и маниакальных состояний, как у отца.

Решила переехать на запад, начать с чистого листа. Стать кем захочет. Стать собой. Но штука в том, что Реба не знала точно, кто она есть. Ее первый секс с Рики был не в ее характере, скорее, очередной попыткой сыграть роль – нахальной журналистки, которая прыгнула в постель после пары свиданий и заявила, что верит в любовь с первого взгляда. На деле она лишь хотела поверить. Надеялась, что если скажет о любви вслух, то это исцелит сердечную боль. Когда исцеления не произошло, она заподозрила, что любви маловато.

Вот почему она не носила кольцо. Если выйти замуж за Рики, придется сделать выбор: или вечно лгать – или предьявить настоящую себя и рискнуть потерять его. Жаль, что о прошлом нельзя умолчать. Прежде чем выходить замуж, ей нужно отделить правду от лжи.

Фары обшарили кухню, и через минуту входная дверь открылась.

– Реба? – позвал Рики.

– Я здесь.

Он вошел и включил свет.

– Что в темноте сидишь?

Свет обжег ей глаза.

– Я не в темноте. В плите свет горит.

– Ну почти в темноте. – Он выскреб из кармана мелочь и бумажки от жвачек и бросил в пустую вазу для фруктов на столе. – Смотри вампиром не стань. – Он поцеловал ее в макушку, снял форменную куртку и сел.

– Трудный день был? – Она заметила тени под глазами.

– Нашли семейку, жили в машине, на парковке у «Уолмарта». Печальная история. Завтра отправим обратно в Мексику. Младший совсем малыш. Сидел в грязных подгузниках бог знает сколько. – Он поскреб щеку. – Берет за живое. Отец просто искал место, где можно жить нормально.

Ребу ставили в тупик эти ежедневные истории о нелегальных иммигрантах. Она не понимала, кому тут сочувствовать. Рики раньше был на стороне США, но с недавних пор все больше симпатизировал мексиканцам. Реба не знала, чего он ждет от нее, и взгромоздилась на позиции защитника закона:

– Не надо себя винить. Сам же говоришь: есть правила, им надо подчиняться. А иначе будут последствия. – Она проглотила пропитанную молоком крошку теста, застрявшую в зубе, и сменила тему: – Есть будешь? Я заехала в «Рудис-барбекю» после интервью. Если ты голодный, там кое-что осталось.

– И как оно?

– В «Рудис»? – Об интервью говорить не хотелось. – Очень вкусная копченая индейка. –

Она встала и подошла к холодильнику.

– Да нет, интервью твое, мисс Сан-сити.

– Прекрасно. Но придется еще раз зайти. Так что насчет индейки? – Она достала с полки бумажный пакет.

– Я ел. А зачем еще раз? Она что, и при личной встрече трубку не снимает?

Реба пожала плечами:

– Надо выяснить все, что нужно для статьи. Но сейчас я хочу... – Она взяла его руку, положила себе на талию. – Перестать болтать. Я бол-бол-болтала целый день.

Реба умела сменить тему. Рики встал и прижал ее к себе:

– Как скажешь, босс.

Она вздохнула с облегчением и повела его наверх. Что-что, а секс у них был искренний, и Реба надеялась, что Рики в нем чувствует всю правду целиком.

Пять

Партийный рождественский бал

Гармиш, Германия

Гернакерштрассе, 19

24 декабря 1944 года

Начался снег. Тысячи переливающихся снежных веретенец тускло кренились к земле. Элси прислонилась спиной к стене. Мохнатые хлопья падали на лицо. От холода в голове прояснилось, и Элси, хоть и мерзла, все стояла в тишине переулка и смотрела, как мир превращается в сказочный маскарад. Грязные улицы запорошило белым. Темные деревья окаймил иней. Машины под сугробами – точно сахарные холмики. Она любила первый снег. Он все менял.

Ветер задувал под платье, ноги коченели, по спине бегали мурашки. Она обхватила себя руками. Кольцо леденило палец. Она сняла его и потерла, согревая в ладонях. Красивое кольцо, подаренное хорошим человеком, важный момент – а она почти ничего не чувствует. Элси крутила и крутила кольцо: рубины и бриллианты, красное и белое. Вот было бы оно просто подарком на Рождество, как платье и шампанское.

Она хотела было снова надеть кольцо и тут заметила внутри царапину – нет, не царапину, слишком четкая и ровная. Элси поднесла кольцо к свету из окна и прочитала надпись. Посвящение, почти стертое: «*Ани ле-доди ве-доди ли*». Иврит.

Волна жара прошла по телу. Грудь покрылась испариной. Она знала, что гестапо конфискует еврейские ценности, но никогда не думала о том, куда они деваются. Они просто исчезали вместе с владельцами.

Снег пошел сильнее. Хлопья отяжелели и кололи кожу ледяными иголками. Ветер жалил глаза. Она сморгнула слезы и пригляделась к кольцу. Чье-то обручальное кольцо. Ощущает ли неведомый палец его утрату?

Элси схватилась за накрытый одеялом деревянный ящик под балконом и вдыхала морозный воздух, пока сердце не успокоилось.

– Ты что здесь делаешь?

На заднем крыльце стоял Кремер.

Элси надела кольцо.

– Там такая жара. Мне, кажется, стало дурно от шампанского. Сейчас лучше. – Она потянулась к двери, но Кремер заступил дорогу.

– Посмотри на себя, ты трясешься. Сколько ты здесь проторчала? – Его жесткие пальцы поскребли ей плечо.

– Мне нужно внутрь, – сказала Элси.

– Кто-то должен тебя согреть. – Она не успела отпрянуть: Кремер притянул ее к себе, под пальто. Изо рта у него воняло сосисками и красным вином.

– Майор Кремер, пожалуйста, не надо... – Элси попыталась освободить руки, но они заковенели и плохо слушались.

– Ты пахнешь как булочникова дочка. – Он склонился ближе. – А на вкус ты тоже булочникова дочка? – Он поцеловал ее в шею.

– Пусти! Хватит!

Кремер закрыл ей рот рукой.

– Цыц! – приказал он. – Ни звука мне, – прохрипел он прямо ей в ухо и расстегнул кобуру. – Если шпионка пытается соблазнить офицера, то за ее расстрел – награда. – Крепко держа ее одной рукой, другой он задрал ей юбку и облапал бедро.

– Грязная свинья! Не смей! – Она пнула его и вырвалась. – Я не шпионка! – Она плюнула ему в лицо.

Он вlepил ей пощечину, так что она крутанулась на месте.

– Такая прелестная фройляйн и такая злая. – Он толкнул ее на ящик и заломил руки. – Не хочу делать больно. – Он нащупал пряжку ремня.

– Скотина! – закричала Элси. – Все расскажу Йозефу!

Кремер улыбнулся:

– Думаешь, он тебя захочет, когда узнает, что ты меня соблазнила? – Он задрал ей шифон и расстегнул штаны. – Да еще и в такую святую ночь?

– Пожалуйста... – Элси запаниковала. – Я никогда...

Он прижался к ней горячими, шершавыми бедрами; жесткая ткань мундира терлась о блестящие шифона, царапая кожу.

– Кому они поверят? Распутной шлюхе или офицеру Третьего рейха?

– Умоляю вас! – завопила она.

Кремер еще сильнее скрутил ей руки и поудобнее утвердился на земле.

И вдруг что-то пронзительно заверещало – сирена, что ли? Кремер выпустил Элси. Та упала. Грязные следы Кремера испещрило нежными снежинками. Дикий вопль продолжался.

Кремер застегнул штаны и вынул пистолет. Тыкал дулом туда-сюда, пока не нашел источник звука – деревянный ящик. Кремер сдернул одеяло.

В ящике сидел еврейский мальчик, завернувшись в одеяло с головой, как рождественская статуэтка. Это он кричал.

– Тихо! – приказал Кремер и постучал железной рукоятью пистолета по доскам.

Голос мальчика не дрогнул.

– Дьявол жидовский. – Кремер взвел курок.

Элси поползла к двери и наткнулась на сапоги Йозефа.

– Элси! – Он поднял ее на ноги. – Что происходит?

Кремер вытянул руку. Блестящий ствол уперся мальчику в голову.

Элси ткнулась лицом в жесткое плечо Йозефа. – Гюнтер, убери пистолет! – рявкнул Йозеф. Мальчик замолчал.

– Он жид. Отвозить его в лагерь – только время зря терять. – Палец Кремера шевельнулся на спусковом крючке.

Йозеф выбил у него пистолет, и пуля унеслась в темный снегопад.

– Это не в твоих полномочиях, – прорычал Йозеф.

Элси никогда не видела Йозефа таким. Ее тело сотрясилось от его ярости.

Йозеф поднял пистолет с запорошенной земли и опустошил обойму. Пули беззвучно выпали в сугроб. Йозеф направил пистолет Кремеру в лоб. Все молчали. Мокрый шифон затвердел и ледяной паутиной примерз к телу Элси. Во рту был вкус железа. Она пощупала – на пальце осталась кровь. Губа разбита изнутри. Элси пососала ранку.

Одеяло свалилось с головы мальчика, открыв бледный череп и залитые слезами щеки. Подбородок у него дрожал. Элси вспомнила племянника Юлиуса, которого видела всего раз в жизни. Когда Юлиус родился, они приехали к Гейзель в Штайнхёринг. Юлиус лежал в колыбели и требовал молока. Такой маленький, такой хрупкий – и огромные слезы. Еврейский мальчик был похож на Юлиуса. И Элси так же захотелось взять его и покачать.

– Йозеф, дружище, – сказал Кремер.

Йозеф прижал дуло к его лбу.

– И вызовет она всех на свой суд, всех властителей, что ныне попирают *справедливость и закон*... – Он ткнул Кремера сильнее и заговорил мерно, гипнотически: – Тех, что ввергли народ в нищету и разруху, а сами посреди бедствий отчизны дорожат не общественным благом, но лишь своей персоной. – Он убрал пистолет.

Дуло оставило на лбу Кремера круглый след.

Йозеф овладел собой.

– Тебе пора понять, в чем наши цели.

Он подал разряженный пистолет Кремеру, прокашлялся и поправил складки мундира.

– Там уже десерт подали. – Йозеф взял Элси под руку и распахнул дверь; в переулке слышались веселые скрипочки. – Идем, Гюнтер.

Кремер послушно поплелся следом.

Мальчик в клетке молчал. Элси хотела обернуться через плечо, в последний раз его увидеть, но побоялась, что превратится в соляной столп.

Шесть

«Немецкая пекарня Эли»

Эль-Пасо, Техас

Трейвуд-драйв, 2032

10 ноября 2007 года

Всю неделю в пекарне кипела работа – выполняли пятничный свадебный заказ, так что Реба пришла в субботу, твердо намереваясь получить наконец и цитаты, и добавку пряников.

Звякнул колокольчик над дверью, и Джейн оторвалась от полки с горячими булками и караваями.

– Смотрите, кто пришел. Вот здорово! – Она обошла кассу и обняла Ребу.

Реба напряглась от неожиданности, но потом объятие Джейн ее расслабило. Медово-сандаловый аромат духов напомнил Ребе летний пляж в детстве. Они с Диди целыми днями сосали сладкие стебельки цветов и строили замки в дюнах из плавника.

– Привет. – Реба качнулась назад на пятках, желая стряхнуть боль ностальгии.

С тех пор как Рики сделал ей предложение, она не ответила ни на один звонок Диди. Каждый раз, когда Диди звонила, Реба убеждала себя, что еще не время; она занята и не может говорить; перезвонит попозже – и не перезванивала. Шли недели, и постепенно столько всего успело случиться, что неясно, как звонить: за один разговор всего не расскажешь. Завтра письмо напишу, пообещала себе Реба.

– Занята? – спросила она Джейн.

– Ага. Девчонка одна замуж выходит за лесоруба в Крусесе. Знаем ее с пеленок. Мы печем прекрасные свадебные торты. – Джейн подмигнула. – Скажи, когда свадьба – соорудим тебе торт.

– Он зачерствеет, пока у меня руки дойдут, – сказала Реба.

– А мы помадки подбавим. Отлично герметизирует. Начинка остается легкой как перышко. Честно. Одна наша невеста хранила кусок торта в холодильнике до третьей годовщины – говорит, такой же вкусный, как в день свадьбы! Без дураков.

Реба рассмеялась, и этот звук ей понравился.

– Небось у них в ту ночь жутко болел живот.

– Может, и болел, зато легли не на голодный желудок. Мам! – крикнула Джейн в кухню. – Реба из «Сан-сити» пришла брать интервью.

За столиком сидел мексиканец с тягучей шоколадной плетенкой и кофе со сливками.

– Это Серхио, – представила его Джейн. – Наш постоянный покупатель.

Серхио кивнул.

– Еще подсластить, мой сладкий?

– Боюсь, еще чуть-чуть – и слипнется. – Он говорил с мелодичным испанским акцентом. Реба почувствовала некий сквознячок, как зимой, когда ходишь по ковру в одних носках.

– Давно он здесь бывает? – спросила она Джейн, садясь.

– Хм-м... Серхио, ты сколько уже ешь мои булочки?

– С тех пор, как ты считаешь мамины монетки. – Он обмакнул ломтик в кофе.

Джейн рассмеялась.

– Это была проверка, и он удачно выкрутился. Реба слегка поежилась.

– Мне девятнадцать было, – уточнила Джейн. – Помню, как он пришел впервые. По-английски ни бельмеса, по-немецки тем более. Ткнул пальцем в булочку, дал мне мелочь, причем половина в песо. – Она хлопнула себя по бедру.

– Как давно. Я только своих родных знаю так долго, – сказала Реба.

– Время летит незаметно. Ты молодая, еще увидишь. – Она перевела взгляд на Серхио, потом снова на Ребу. – Мама сейчас придет.

По дороге на кухню Джейн остановилась и протянула Серхио салфетку. Он не просил, но с улыбкой взял и вытер губы, испачканные в шоколаде.

Реба вынула блокнот, ручку, диктофон. Фотографии шестьдесят лет; какой-то теперь стала та девочка?

Из кухни вышла Элси. Белоснежные волосы коротко подстрижены, на висках подняты коричневыми шпильками. Уютно округлые бедра, узкая талия, современные брюки цвета хаки и кремовая блуза с закатанными рукавами. В свои семьдесят девять она выглядела стильно и двигалась уверенно. Поставила на стол блюдо с двумя ломтиками коричного хлеба с изюмом.

– Привет, – она сунула Ребе ладонь, – я Элси Радмори.

Реба пожала ей руку:

– Реба Адамс.

Пожатие Элси было твердым, но теплым.

– Приятно познакомиться. Простите, что в прошлый раз не смогла с вами побеседовать. – Она говорила внятно, хоть и с твердыми окончаниями на немецкий лад.

Элси села и подвинула блюдо к Ребе:

– Джейн говорит, вы не едите молочного, так что это без молока. Угощайтесь.

Реба решила не портить знакомство.

– Спасибо. – Взяла кусок. – Да, очень вкусно, – произнесла она с набитым ртом. На этот раз не соврала.

– *Гут*, – одобрила Элси, тоже отломив кусок хлеба и сунув его в рот. – Значит, вы хотите поговорить со мной о старости.

Реба поспешно сглотнула, слегка поперхнувшись.

– Нет-нет. Я пишу рождественскую историю. – Она собралась с духом. – О том, как разные люди в нашем городе празднуют Рождество.

– Немцы празднуют, как и все прочие. В сочельник мы едим и пьем. На Рождество снова пьем и едим. Как мексиканцы и американцы. – Элси с вызовом подняла бровь.

Реба постучала ручкой по блокноту. Такое не процитируешь. По крайней мере, в статье, которую она собиралась написать.

– Вы не против, я включу диктофон? – Она положила палец на кнопку.

Элси пожала плечами:

– Если обещаете, что не будете вывешивать в Интернете. Я хоть и старая, но сразу поняла, что там за конюшня. Сплошные сиськи голые и мат. Я искала нежные пышки, а на экране появилось такое...

Реба закашлялась.

– Сколько живу, никогда не видела подобного.

– Мам, – сказала Джейн из-за стойки, – Ребе про это неинтересно.

– Не говоря уж о том, *что* вывалилось на меня, когда я ввела «желе шоколадное в рулетиках».

Реба прикрылась блокнотом, пряча улыбку.

– Мама!

– Я просто рассказываю миссус Адамс, что я такого не потерплю.

Реба прокашлялась.

– Обещаю. Никакого Интернета. И называйте меня, пожалуйста, просто Реба.

Она нажала кнопку записи. Настало время получать ответы.

– Значит, вы из Гармиша, так? Джейн рассказала мне кое-что об этой фотографии. Это сочельник. Элси отломив кусок от хлеба с изюмом.

– Старая. И как только не выцвела совсем. Может, оно бы и к лучшему. Сто лет уже прошло.

Вскоре я уехала из Германии.

– Вы там бывали с тех пор? Не скучали по дому? Элси не отвела взгляда.

– Люди часто скучают по тому, чего нет, что было и прошло. Где бы я ни была, я скучаю по дому, потому что его больше нет.

– А США для вас разве не дом?

– Нет, конечно. В Техасе я живу, дочь моя живет, мой муж похоронен. Но это не дом. На этой планете у меня больше нет дома. Такие дела.

Реба глубоко вдохнула и сжала губы. Надо найти подход. Это давалось непросто.

– Расскажите о типичном Рождестве в Германии. – Идти напролом, сухо, кратко, выжать информацию.

– Не выйдет. – Элси отломила еще, прожевала. – Я росла в войну, типичного Рождества не было ни разу.

– Ладно. – Реба нарисовала в блокноте кружок – яблочко, в которое надо попасть. – Вот, допустим, это Рождество, – она кивнула на фото, – расскажите о том Рождестве?

Элси перевела взгляд на чуть покосившееся фото.

Семь

Партийный рождественский бал

Гармиш, Германия

Гернакерштрассе, 19

24 декабря 1944 года

Они вернулись к столу. Эlsi дрожала.

– Съешь горячего, поможет, – посоветовал Йозеф.

Принесли рисовую кашу с корицей. Эlsi она нравилась, но дымящееся варево не лезло в горло. Каша только обожгла язык, Эlsi не почувствовала вкуса и не смогла согреться.

Слава богу, Йозеф не спросил про Кремера. Она не смогла бы говорить, хотя ее подмывало встать, ткнуть пальцем, опозорить обидчика. Но он офицер гестапо, а она – дочь пекаря. Гейзель в Лебенсборне, жизнь семьи зависит от покровительства партии. Ответственность за них превыше ее личной чести. Ее молчание защищает всех. Пока.

Официанты убрали десертные тарелки. Музыканты заиграли джаз, пары потянулись на танцпол.

– Можно я поеду домой? – прошептала Эlsi. Взяла перчатки со спинки стула, натянула. Кольцо с бриллиантами и рубинами некрасиво встопорщило гладкую лайку.

Йозеф мягко взял ее за подбородок и взгляделся в лицо. Она отвела взгляд. Он взял ее руку, поцеловал костяшки.

– Конечно, фройляйн Шмидт.

Спустя несколько минут он вывел ее из банкетного зала по серебристому коридору на улицу, где их, тихо урча мотором, ждала черная машина.

Автомобиль промчался по улицам и остановился у пекарни. В окне верхнего этажа горел свет. Мама, конечно, еще не ложилась.

С тех пор как вышли из-за стола, Эlsi и Йозеф не сказали друг другу ни слова. Потрясенная злобной клеветой Кремера, Эlsi боялась, что Йозеф рассердится, упрекнет ее за то, что плохо себя вела с его сослуживцем. Эlsi теребила пуговицы на перчатках.

– Извини, что пришлось рано уехать. – Вот и все, что она могла сказать, не паникуя.

Спокойствие. Если чересчур разволноваться, он подумает, что Кремер прав, что она и впрямь шпионка.

– Я и сам не люблю оставаться допоздна, – сказал Йозеф, отвернулся и посмотрел в окно. – Прошу прощения за то, что случилось. Надеюсь, ты не пострадала.

Эlsi потрогала губу. Больше не кровоточит, но уже распухает.

– Нет. – Она сглотнула комок в горле.

Йозеф вздохнул с облегчением, но на нее все равно не посмотрел.

– Кремер – хороший офицер. Он сегодня выпил лишнего. Неприемлемое поведение. – Он прокашлялся. – Кремер женат по расчету, а не по любви. Вот и ищет любовь там, где не надо.

Эlsi кивнула. Тело задеревенело, как у игрушечного солдата.

Йозеф глубоко вдохнул и повернулся к ней:

– Ты не ответила мне, Эlsi.

Теперь пришел ее черед смотреть в сторону, на дверь пекарни; хотелось поскорее оказаться внутри, среди сонно поднимающихся дрожжевых булочек. Надо ему объяснить. Она не мама. Ей недостаточно быть просто хорошей женой, она против брака по расчету, как у Кремера. Ей нужно много больше. Когда в фильме «Оклеветанная» Мирна Лой предлагала Уильяму Пауэллу на ней жениться, сердце у Эlsi искрило. «На луну», – сказал Пауэлл и поцеловал Лой. Эlsi хотелось на луну.

Выпотрошенные снеговые тучи стелились низко, заслоняя гору Цугшпитце и звезды над ней. Долина – точно стеклянный снежный шар с вечной зимой внутри.

– Я... – Элси заставила себя взглянуть Йозефу в глаза. – Я не могу... – начала она, но Йозеф перебил:

– Понимаю. Первая вечеринка в партийном кругу, Рождество, предложение и... – Он одним пальцем погладил ее по руке. – Слишком много для одного вечера.

Палец был теплый, и Элси пожалела, что эта рука не может согреть все ее тело, растопить его в сахарную патоку.

Йозеф распахнул дверь, и мороз пробрался внутрь.

– Я приду пожелать вашей семье счастливого Рождества.

Она задрожала. Он прав: на сегодня довольно страданий. В сочельник все заслужили немного покоя. Они еще успеют поговорить. Элси пожелала ему доброй ночи и шагнула в снег.

– Элси. – Йозеф потянул ее обратно.

Она медленно обернулась, трепеща при мысли о том, какой вопрос Йозеф ей задаст. Вместо этого он ее поцеловал. Не так, как Кремер, который губами облюбовывал ей шею и исцарапал острыми зубами. Губы Йозефа были мягкими и упругими, как фруктовое желе на печеньке. Она не смела дышать, боясь разрушить след этого поцелуя.

– Увидимся завтра.

– Завтра, – прошептала Элси.

Она вышла из машины. Сношенные туфли скользили по свежему снегу. Ручка двери замерзла – пришлось подергать, прежде чем повернулась. Тень Йозефа в темном окне машины ждала и наблюдала, пока Элси не исчезла в доме. Потом автомобиль уехал.

Элси затворила дверь. Металлический щелчок – и все спокойно. Ни скрипок, ни еврейского дисканта, ни порывов ветра и воплей, ничего – только мирное тиканье стенных часов. Элси положила сумочку и сняла мамины туфли. Половицы были теплее, чем ее ступни.

– Элси, – тихо позвала мама. – Это ты?

Элси плотнее закуталась в плащ и подошла к лестнице. Мама стояла наверху в ночной рубашке, со свечой в руке. Пламя отбрасывало на ступеньки свет и тени.

– Папа спит, а я не смогла уснуть. Тебе понравился бал? – не по-ночному бодро спросила она.

Элси захотелось упасть к маминым ногам и рыдать до икоты, но она была взрослая девочка, и бремя взрослости удержало ее.

– Ты все сделала, как я говорила? Вела себя как следует? Йозеф доволен?

Затаив дыхание, мама ждала ответа.

– Да. – У Элси перехватило горло. Сглотнула – не помогло.

Мама улыбнулась:

– Тебе повезло. Йозеф такой симпатичный.

Элси кивнула.

– Ложись, мам. А то простудишься.

– Да, доброй ночи. С Рождеством, детка.

Мамина свеча потускнела и исчезла. Элси пошла на кухню, затопила печь, поставила чайник. На деревянном столе, посыпанном мукой, лежали пять глазированных имбирных сердечек с точками и завитками застывшей глазури: Макс, Луана, Гейзель, Элси, Юлиус. Папа, по семейному обыкновению, встанет раньше всех и повесит сердечки на елку, на самые толстые ветки.

Чайник вскипел. Она расстегнула перчатки, потянула. Кольцо зацепилось за лайку. Она освободила ткань и осмотрела дыру. Даже мама не сможет заштопать. Кольцо мерцало при свете огня из печи. Элси сняла кольцо и поднесла к глазам. Ивритских букв не видно, но она знала, что они там. Элси положила кольцо на стол, потерла след на пальце. Она подумает об

этом завтра. Вечер и так уже затянулся. В висках пульсировало, глаза жгло. Хотелось одного – выпить горячего и лечь в постель.

Пар от чайника злым призраком вздымался в темноте. Элси сняла чайник с огня и заварила ромашку из маминого гербария. В спину дунуло холодом. Задняя дверь закрыта на цепочку, но приотворена. За ней лежал в коробке со льдом карп – небольшой, с ладонь. По традиции в сочельник за дверь выставляли карпа. Одни считали, это чтобы святой Николай благословил, другие – что рыба вкуснее, если полежит на альпийском ветру. В последние годы традиция забылась, народ на все махнул рукой. Тут и шкурку-то свиную псу не оставишь – сразу стащит кто-нибудь голодный. Папа, наверное, продал немало хлеба на черном рынке, чтобы заполучить эту рыбешку. Только мама все держалась обычая и оставляла щель; вроде бы глупость из прошлых счастливых времен, но Элси не могла упрекнуть маму за то, что та упорно поступала по-своему. В воздухе пахло горящими сосновыми дровами. Она глубоко вдохнула.

Игольчатые сосульки выросли на железных звеньях дверной цепочки. Элси отломала их и выбросила за дверь. Едва они коснулись снега, что-то шевельнулось в темноте. Элси замерла. Дыхание перехватило. – Кто здесь?

Снег падал. Скрипели на ветру заочневшие деревья.

Видимо, снег шуточки шутит. Элси почти ничего не ела, да еще впервые в жизни выпила шампанского; удивительно, что ей не мерещатся лиловые полярные медведи. Она потрогала щеку. Отвар ромашки еще не выпит, но щека горит, Элси лихорадит. Немедленно в постель, вот что.

– Впустите, пожалуйста. – Из темноты появилось худое бледное личико.

Элси вскочила, смахнув сухую ромашку на пол. – Впустите, пожалуйста, – повторили за дверью. Затем в щель просунулась рука. – Спасите.

Элси отпрянула. Под ногами зашуршали сухие лепестки.

– Уйди, – сдавленно прошептала она. – Ты... ты призрак. Уходи. – Она подняла кипящий чайник.

Он убрал руку.

– Я бежал за вашей машиной.

– Что? – Сердце у Элси заколотилось. Рука с чайником задрожала.

– Они меня убьют. – Он просунул в щель голову, посмотрел на Элси.

И тут она его узнала. Тот мальчик-певец, еврей.

– Что ты здесь делаешь?

– Он сломал клетку, и я убежал.

– Убежал? – Она поставила чайник. – О господи. – Она потерла виски, унимая боль. – Если тебя найдут, нас всех арестуют. Уходи! – Она шуганула его от двери. – Убирайся!

– Я вам помог. Спасите меня, пожалуйста.

Он прижался к косяку, тяжело дыша, от холода весь синий. Всего лишь мальчик, одних лет с Юлиусом, не вреднее и не опаснее любого другого ребенка – еврейского, немецкого. Его убьет мороз или прикончат люди. Она может спасти его, если снимет цепочку.

Ветер дунул ему в лицо, и на ресницах повисли снежные хлопья.

Элси припомнила вздорные обвинения Кремера. Люди явно болтают про нее и ее семью. Если мальчик умрет у них на пороге, гестапо решит, что это она помогла ему сбежать. Она закрыла глаза. В голове бухал молот. Всего лишь ребенок, никакой угрозы, неважное дело. Завтра его можно выставить, завести по тропинке куда-нибудь в лес, на Экбауэр, и там оставить, как Гензеля и Гретель. Ну и что? Всего лишь мальчик. Всего лишь еврей. Хорошо бы он просто исчез, и все.

Снаружи, на тихой улице, послышались голоса, затрещал лед, заскулили собаки. Идут сюда. Элси сбросила цепочку, втащила замерзшего ребенка в кухню и затворила дверь. Он был

меньше, чем казался на сцене. Запястья тоненькие, как миндальные печенья, пальчики – как стручки ванили.

– Быстро, – велела она. – Надо спрятаться. Снаружи уже кричали. Псы залаяли.

Элси огляделась. Деться некуда. Единственный тайник – наверху, ниша в стене ее спальни, но они не успеют туда добежать. Оставалось одно. Элси открыла печь, еще теплую от дневной выпечки. Подняла мальчика, легкого, как двойная порция теста для брецелей.

– Лезь, там не найдут.

Тощие пальчики сжали ее запястья. Свет ударил в узкое кухонное окно. Надо спешить.

Она посмотрела ему в глаза:

– Сам говоришь, что мне помог. Лезь давай.

Он отпустил ее и залез поглубже в закопченную кирпичную пасть.

– Держи. – Элси сняла габардиновый плащ. – Накройся.

Он взял плащ и сделал, как она велела.

Неверными руками Элси закрыла заслонку. На верхней губе выступил пот. Пробило полночь, две деревянные фигурки выскочили из часов, станцевали и снова удалились. Яркий луч ударил в окна, заколотили в дверь. Наступило Рождество.

Восемь

«Немецкая пекарня Элси»

Эль-Пасо, Техас

Трейвуд-драйв, 2032

10 ноября 2007 года

– Дерьмовое было Рождество, – сказала Элси.

Реба постучала ручкой по столу:

– Почему?

– Холод собачий. Я заболела. Воспаление легких, что ли. Лекарств не достать. Война. Люди умирали... а вкусный получился хлеб. – Она доела свой ломтик, крошки осыпали блузу. – Внесу его в меню. Джейн, – она повернулась к дочери, – сделай еще такого хлебца. Назовем его «Реба». – И Ребе: – Понравился, *ja*?

Реба кивнула и попыталась вернуться к делу:

– Но на фотографии вы в нарядном платье. Куда-то собирались?

Элси выковыряла из зубов кожицу от изюминки. Реба послушала, как шуршит диктофонная лента. – На вечеринку НСДАП, – сказала Элси.

Рука Ребы зависла над страницей. Все еще интереснее, чем она предполагала.

– Вы были в партии? – как можно спокойнее переспросила она.

– Я была немкой, – ответила Элси.

– И поддерживали нацистов?

– Я была немкой, – повторила Элси. – Нацист – это политическая позиция, а не национальность. Быть нацистом и быть немцем – разные вещи. – Но на этот вечер вы пошли?

– Один офицер пригласил меня на *Weihnachten*, на рождественский бал. Я пошла.

Реба кивнула и воззрилась на Элси весьма задумчиво.

Зазвенел таймер духовки. Джейн ушла в кухню.

– Все как здесь, – продолжала Элси. – Можно любить и поддерживать сына, брата, мужа, отца – своих солдат – и не поддерживать того, за что они воюют. Я каждый день это вижу в Форт-Блиссе. – Она откинулась на спинку кресла.

Реба прокашлялась.

– Как можно сравнивать Гитлера и войну в Ираке? Это совершенно разные вещи.

Элси не смутилась.

– А мы *точно* знаем, что там происходит? Нет. Вот и тогда мы не знали. Догадывались, что не все чисто, но боялись своих догадок и еще сильнее боялись убедиться, что они правильные. У нас был дом, наши мужчины, наша Германия. Мы поддерживали наш народ. Конечно, сейчас, со стороны, легко осуждать и нас, и наше прошлое. Так что – да, я пошла на нацистский бал с нацистским офицером. Не все они были монстрами. Не сплошь Гитлер и доктор Менгеле. Были обычные люди, некоторые даже неплохие. – Она вздохнула. – Мы старались выжить, что было само по себе непросто.

– Вы когда-нибудь видели, как евреев... как с евреями жестоко обращались? – Реба запнулась. Как вообще задавать такие вопросы?

Элси сузила глаза:

– Да и нет. Какая разница? Правды вы никогда не узнаете. Если я скажу «нет», я хороший человек? Не виновата во всем, что вы знаете о Холокосте и нацистской Германии? А если я скажу «да»? Значит, плохая? И это бросает тень на всю мою жизнь? – Она пожала плечами и смела крошку со стола на пол. – Мы все немножко врем о себе, о своем прошлом и настоящем. Мы думаем, что есть ложь маленькая и незначительная, а есть большая и обличающая. А лжи

все одинаковые. Только Бог знает, как все было, пусть он и судит. – Взгляд оливковых глаз проникал насквозь. – Я вам рассказала один свой секрет. Теперь ваша очередь.

Сердце у Ребы заколотилось быстрее.

– Моя очередь? – Она нервно рассмеялась. – Нет-нет. Это же я беру у вас интервью.

– Так нечестно. – Элси скрестила руки на груди. – Не ответите на мой вопрос – я тоже больше ничего не расскажу.

Реба взвесила за и против. Так с ней еще никто не поступал. Журналист спрашивает, интервьюируемый отвечает. Все. Роли не меняются. Однако статью пора сдавать. В недотрогу играть некогда.

– Хорошо. Спрашивайте, – уступила она.

– Джейн говорит, вы помолвлены. Как зовут вашего жениха?

Реба вздохнула. – Рики.

– Хороший человек?

– Хороший. Обыкновенный.

– Где работает, чем занимается?

– Пограничник.

– Пограничник! – Элси рассмеялась. – Много у него работы.

Серхио допил кофе:

– Приятного дня, дамы.

Он отнес пустую тарелку и чашку на кассу, протянул Джейн, их руки соприкоснулись, на миг вместе замерли.

– Увидимся *таїана*¹⁴, – сказала Джейн.

Направляясь к выходу, Серхио нежно погладил живот:

– Ваша сдоба сведет меня в могилу, миссис Радмори.

– Ты это который год говоришь, – откликнулась Элси.

Джейн рассмеялась:

– Зато помрешь, набив живот сладостями и улыбаясь!

Серхио кивнул ей и приподнял воображаемую шляпу. Дверь звякнула, закрываясь за ним.

– Кажется, хороший покупатель, – заметила Реба.

– Хороший. Обыкновенный, – парировала Элси. – Ну так объясни. Почему вы с этим Рики не назначили свадьбу?

Реба бросила сердитый взгляд на Джейн.

Джейн пожала плечами:

– Извини, ты же не сказала, что это секрет.

Реба расправила плечи.

– Просто я не готова.

– Не готова! Ты его любишь? – спросила Элси.

Эта прямота застала Ребу врасплох. Она затеребила ручку.

– Люблю, конечно. Не любила бы – не сказала бы «да».

Элси наклонилась вперед:

– Тогда вот тебе мой совет. Судьба не часто сводит нас с хорошим мужчиной. Факт. Все эти фильмы и телешоу, в которых люди говорят «я влюблен», все эти холостяки обоих полов, которые выбирают себе пару, как печенье в коробке, – тьфу! Ерунда. Это не любовь. Это слюни с потом пополам. А настоящая любовь... – Элси покачала головой. – Она не ко всякому приходит. Вот вечером в новостях: половина всех браков кончаются разводами. И диктор говорит: «Ах, как ужасно. Вы представляете?» – и я говорю: *ja*, еще как представляю,

¹⁴ Завтра, утром (*исп.*).

потому что все эти люди ввали себе и друг другу, будто любовь – это хиханьки и сахарные сердечки. А на самом деле у каждого есть темная сторона. Если видишь его темную сторону и прощаешь, а он видит и прощает твою, тогда это что-то значит. – Она указала на кольцо у Ребы на груди: – Или надень, или верни. Вот тебе мой совет.

Пекарня была пуста. Наступило затишье между завтраком и обеденными толпами.

– Можно я вас прерву? – Джейн подошла к столу с миской глазури. – Мам, попробуй крем. Странный привкус какой-то.

Элси сунула палец в глазурь, лизнула.

– Выкинь, – сказала она. – Плохие белки.

– А в миске хорошо выглядели. – Джейн топнула ботинком. – Черт, мне сегодня юбилейный торт глазировать.

– Тут никто не виноват. Иногда не поймешь, пока не попробуешь, – сказала Элси.

Девять

*Пекарня Шмидта
Гармиш, Германия
Людвигштрассе, 56
25 декабря 1944 года*

Мама и папа наверху заворочались. Элси замела лепестки ромашки под стол, а те, что остались, положила в кружку и залила горячей водой. Как ни странно, рука не дрожала. На столе в муке лежало кольцо Йозефа.

Опять застучали в дверь, заорали.

– Что случилось? – послышался папин голос с лестницы. – Иду, иду. – И он включил свет.

Элси зажала кольцо в кулаке, и тут в кухню вбежала мама:

– Элси, что такое?

– Не знаю. Я заварила ромашку, и тут... – Она отвернулась и уронила кольцо в чашку, стараясь не смотреть на печь.

Вошли четыре вооруженных гестаповца. Двое обступили папу с флангов.

– Ищите что хотите, – сказал он. – Нам прятать нечего. Ради всего святого, сочельник на дворе.

– Мои извинения, герр Шмидт, но у нас приказ, – сказал коренастый солдат с дубовыми листьями на воротничке.

– А что случилось? – Мама, дрожа, босиком стояла на плитке.

– Еврей сбежал, – ответил гестаповец.

– Тут нет евреев, штандартенфюрер, – сказал папа и хлопнул по печке: – Тут хлеб да булочки.

Элси пробрала дрожь. Волоски на руках встали дыбом.

– Ходили куда-то? – Солдат покосился на платье Элси.

– На *ваш* праздник, – ответил папа. – Куда ее пригласил подполковник Йозеф Хуб.

– До этого момента вечер был прекрасный, – сухо добавила Элси.

– Извините за беспокойство. Это не займет много времени, – сказал штандартенфюрер. –

Разрешите? – Он ткнул дубинкой в сторону лестницы.

– Да, конечно, идите и ищите, что вам надо, – сказал папа.

Двое отправились наверх, бухая сапогами по старым половицам. Двое остались в кухне.

Мама шумно вздохнула.

– Мой корсет лежит на виду, – прошептала она.

Элси закатила глаза. Гейзель пишет, что эсэсовцы дарят ей кружевные лифчики, так что солдаты наверняка видали галантерею и посексуальнее.

– Очень им нужно смотреть на твое застиранное белье, мам.

– Цыц, – оборвал папа.

Элси отодвинула чашку от края стола и скрестила руки. Мама стиснула сорочку на груди.

Один солдат прокашлялся и вышел поискать снаружи. Другой обошел кухню, остановился у печи и повернулся к папе.

– Ваши *лебкухен* – мои любимые. Вы их прямо сейчас не печете?

– На Рождество мы не работаем.

Солдат кивнул.

– А тогда печь почему теплая? – Он потрогал заслонку.

Сердце Элси загрохотало, как грузовик. Мышцы свело.

– Кирпичная печка за ночь не остывает. – Папа зевнул и почесал шею.

Солдат подхватил зевок, снял фуражку и вытер лоб. В свете лампы Элси увидела, что он совсем мальчишка. Пятнадцать, не больше.

– Вот. – Папа откинул полотенце с подноса – там лежали ломаные имбирные пряники. – Бери сколько хочешь. Они некрасивые, но вкусные.

– Спасибо, герр Шмидт. – Поколебавшись долю секунды, он подошел к папе и набил печеньем карман. Но тут как раз вернулись его товарищи.

– Чисто, – сказал штандартенфюрер. – Пошли дальше. *Gutenacht*¹⁵.

Солдаты вышли, а мальчик немного задержался.

– С Рождеством, – сказал он. Глаза у него блестели от юности и недосыпа.

– Счастливого Рождества вам и вашей семье, – сказал папа.

Солдатик неловко усмехнулся и побежал за своими.

Папа запер за ними дверь.

– Ну это ж надо? – Мама побарабанила пальцами по столу. – Еврей сбежал! На самое Рождество Спасителя. Невероятно.

Стены заплясали у Элси перед глазами. Она глотнула чуть теплого, слабого, горьковатого отвара. На дне блеснуло кольцо. Она поставила чашку рядом с горшком, в котором, накрытое полотенцем, поднималось кислое, жирное тесто для рождественского пирога. Утром папа испечет его на завтрак. Хоть бы родители поскорее улеглись. Тогда можно будет выставить этого ребенка.

– Я открывала дверь. – Мама взялась за дверную цепочку. – Из-за карпа. – Она, склонив голову набок, повернулась к Элси.

– Пошли спать, – позвал с лестницы отец.

У Элси заоченели пальцы.

– Мне было холодно.

Шаги отца протопали выше, выше и выше.

Некоторое время Элси и мама смотрели друг на друга. По груди Элси пробежала тонкая струйка пота. – Прости, – сказала она как можно спокойнее.

Мама приоткрыла дверь, снова накинула цепочку и оглядела кухню.

– Ты устала, – подытожила она.

Ледяной ветер раздул ее ночную рубашку, и она обхватила себя руками.

– Допивай чай и иди в постель.

У лестницы она еще раз остановилась и огляделась, потом начала медленно подниматься.

Только теперь у Элси задрожали руки. Она вылила чай и достала кольцо. Не зная, куда его положить, надела на палец. Дом затих. Ей хотелось, чтобы там, в печи, ничего не было, кроме золы и головешек. Хотелось забраться под одеяло и притвориться, что вся эта ночь – не более чем приснившийся кошмар.

В кухонном окошке отражалась измученная седая старуха. Элси оглянулась. Старуха тоже. Тогда Элси узнала себя, вздохнула и запустила руку в волосы. Гестапо скоро найдет его и отправит обратно. Элси представила этого тощего, несчастного ребенка в концлагере, и ее передернуло. Но если его найдут в пекарне, семья потеряет все. У нее закружилась голова, и она ухватила за печную заслонку. Зря она впустила мальчика. Надо было захлопнуть дверь, и все дела. Она не захлопнула. Что теперь?

Элси осторожно открыла заслонку. Из черноты, как луна из-за тучи, выглянуло бледное лицо.

– Как тебя зовут? – спросила Элси.

– Тобиас, – прошептал он.

– Иди ко мне. – И она протянула руки.

¹⁵ Доброй ночи (нем.).

Десять

Мюнхен, Германия

Альбертгассе, 12

Хрустальная ночь

9 ноября 1938 года

Лейтенант второго ранга Йозеф Хуб стоял на крыльце с молотком и пистолетом. Три товарища ждали его команды, чтобы выполнить приказ гестапо. Но двадцатитрехлетний лейтенант медлил, сомневаясь, имеет ли право колотить в эту дверь. Желтая звезда не давала подсказки. На двери висел медный молоток, на нем отпечаталась буква U из написанного на двери *Juden*, но стучать молотком казалось как-то неуместно.

– Может, окна разобьем? – спросил Петер Абенд, девятнадцатилетний парень, только что из гитлерюгенда. Пруд пруди таких солдат. Мальчики из провинции, только-только из кожаных шортиков вылезли. Рейху преданы безусловно. Башка набита наивными историями о воинской славе. В руках винтовка. Манят новые возможности, охота вознестись над полями и коровниками. Никто из них не учился в университете. У них на всех – одна теория, и практика на всех одна.

– Нет, – ответил Йозеф и стукнул молотком. – Откройте!

Нет ответа.

– Откройте, иначе выломаем дверь.

Тишина.

Время пришло. Ему дан четкий приказ. Он надел форму, прошел обучение, стал частью армии, маршировал на параде перед фюрером. Пора соответствовать званию – безоговорочно, невзирая на личные убеждения. «Индивид должен прийти к тому, что его личность ничего не значит в сравнении с существованием нации». Таковы слова Гитлера. Единство нации. Чистая Германия.

Йозеф неохотно свистнул, и три молодых штурмовика принялись ломать знакомую дверь. Дубовые доски треснули, рама сломалась. Внутри завизжала женщина.

– Именем Третьего рейха. Мы пришли за герром Хохшильд, – сказал Йозеф.

Семья столпилась в темной прихожей. Фрау Хохшильд, рядом муж, четверо детей позади. Три девочки кричали «папа», а младший, четырехлетний мальчик, храбро держал отца за руку.

Герр Хохшильд выступил вперед:

– Я ни в чем не виноват.

– Ты еврей. Преступна сама твоя природа, – сказал Петер.

– Тихо, – сказал Йозеф.

Петер заткнулся, но взвел курок. Два его товарища сделали то же.

Йозеф сделал шаг, заслоня собой пистолеты.

– Герр Хохшильд, пройдите с нами, и мы не причиним вреда вашей семье. Честное слово.

Он умел исполнять приказы без варварства. Он офицер Третьего рейха, он читал «Майн кампф». Он понимал, что слово действует лучше силы и на отдельного человека, и на толпу. Однако новоиспеченные солдаты под его началом не знали ничего, кроме стрельбы по мишеням и военных игр.

– Избавим детей, герр. Пройдемте. – Он указал на дверь.

Герр Хохшильд вышел на свет.

– Йозеф? – спросил он. – Это ты?

Йозеф наклонил голову, пряча глаза под козырьком фуражки.

– Да ты, ты. Не прикидывайся, что не узнал.

Как не узнать. Герр Хохшильд преподавал литературу. Вел курс в Мюнхенском университете, где Йозеф семестр отучился. Еще до того, как еврейских профессоров поувольняли, еще до СС.

В те годы он приходил в этот дом ужинать, и его встречала веселая фрау Хохшильд с миндалевидными глазами; всегда ношу изумруды, говорила она, это красиво, когда волосы темные. Теперь никаких изумрудов. Все еврейские драгоценности изъяты в целях финансирования Нового Порядка. Но некоторые Йозеф видел и в ушах генеральских жен.

Девочки в ту пору были еще маленькие, и за ними смотрела строгая няня-австрийка, не одобрявшая сладостей. Когда Йозеф приносил буйной девчачьей орде пакетики с разноцветными мармеладными мишками, няня выхватывала их и уносила. Теперь девчонки глазели на него из прихожей, совсем исхудавшие.

Дом в те давние времена тоже был другим, его озаряли электрические лампы, и цветы на обоях росли будто прямо из стен. Походило на мамин сад летом. Теперь обои драные, вокруг проводов опалены. В прихожей пахнет дымом и плесенью. Когда-то это был чудесный дом, и Йозеф вздрагивал теперь, слыша знакомый голос герра Хохшильда. Тот же голос, что в былые годы говорил о Гете и Брехте, читал Новалиса и Карла Мая за терпким вином у огня. Закрывать бы глаза и вернуться в те дни.

– Я не могу оставить семью, – сказал Хохшильд и шагнул к Йозефу.

– Ближе не подходить, – предупредил Петер. – Вы должны подчиниться, – сказал Йозеф.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась фрау Хохшильд.

– У нас приказ.

Два штурмовика окружили Хохшильда, уткнули стволы ему в бока.

– Он же твой друг, скотина! – закричала фрау Хохшильд. – Предатель! – И она бросилась к Йозефу, замахнулась.

Петер выстрелил. Пуля попала в грудь фрау Хохшильд и отбросила ее на руки детям. Йозеф поймал ее последний взгляд.

– Будь ты проклят! – заорал герр Хохшильд и рванулся к жене, но его повалили. Лица детей застыли в немом вопле. Солдаты выволокли их отца из дома.

Когда они ушли, Йозеф повернулся к Петеру, глубоко вдохнул, выдохнул и вмазал молотком ему по руке. Пистолет полетел на дощатый пол. Петер упал на колени, сжимая раздробленную ладонь. Йозеф схватил его за горло.

– Они же... евреи... – прохрипел Петер.

Йозеф сжал сильнее, перчатки заскрипели. Двое штурмовиков не успели вернуться и остановить его: Петер был мертв. Дети, потрясенные смертью матери, смотрели на это молча. С улицы доносились крики, выстрелы и звон разбитого стекла.

Йозеф разжал пальцы. Руки тряслись и ныли. – Предатель, – прошептал мальчик.

Йозеф перешагнул через труп Петера. Его чуть не вырвало. Морозная ноябрьская ночь умерила тошноту. В полицейском фургоне рыдал герр Хохшильд.

– Детей берем? – спросил один штурмовик.

– Оставьте их, – сказал Йозеф.

– А где Петер?

– Следующий дом. Поехали, – скомандовал Йозеф и протянул молодому штурмовику молоток. – Один народ, одна империя, один вождь.

Одиннадцать

Пограничная застава

Эль-Пасо, Техас

Монтана-авеню, 8935

10 ноября 2007 года

– Я тебя пытался вызвать по радиосвязи, – сказал агент Берг Мозли, ковыряя во рту зубочисткой.

Рики сбросил в мусорку остатки утреннего буррито из «Тако кабано».

– Прости, не было связи, пока ехал. Что случилось?

– Звонила женщина, живет тут рядом. Говорит, видела за домом двоих мексиканских детишек, совсем маленьких. Неподалеку два рыдвана, похоже, там они и живут с родителями. Дама по-испански не говорит, просила кого-нибудь подъехать, проверить их. Я подумал – раз ты все равно едешь... – объяснил Берг и дал Рики бумажку с адресом.

– Ну, сейчас-то я уже приехал. – Рики прочел адрес. – Юго-Запад?

Берг кивнул.

– Ладно. Но с тебя причитается. – Он взял ключи от машины. – Пока буду ездить, приберись в камере. Тот парень из Толентино уехал в Чиуауа совсем больной.

– Да у него какая-то мексиканская чума. Видел болячки на руках? Думал, мы ему позволим всех тут перезаражать своей лихорадкой Эбола.

– Это опоясывающий лишай, – возразил Рики. – Ох, простите, *доктор* Чавес, – усмехнулся Берг.

– Короче, он был болен. Надо там проветрить хорошенько.

– Зови меня Марта Стюарт¹⁶. Непременно поглажу белье и расставлю тюльпаны.

– Ты – праздный англосакс, – пошутил Рики. Они с Бертом проработали вместе три года, и им давно хватало десятка отточенных хохмочек.

– Не-ет, лентяй – это у нас ты, а я – жирный невежа. Надо держаться за свои роли, иначе все развалится. – Берг рассмеялся, Рики ухмыльнулся.

По радио в машине пела Шакира. Песня напомнила о Ребе. Он всегда говорил, что Реба ее копия, только брюнетка. Особенно по утрам, когда нечесанные волосы волнами лежат на подушке. Как раз в таком роскошном беспорядке он и оставил ее утром. Иногда приходилось собирать все силы, чтобы подавить искушение залезть к ней в постель и зарыться лицом в ее волосы, вдохнуть сонные ароматы. Но он знал, что Реба тотчас проснется и прогонит его. Их было две, абсолютно разные женщины, – Реба, которую он видел, и Реба, которая видела его. Пусть, решил он, у него будет хоть одна. Это лучше, чем ни одной.

Он выключил музыку и проверил адрес. Район смутно знаком. Новенькие дома, раскрашенные, как пасхальные яйца, стояли вдоль улиц с благополучными названиями типа Виадель-Эстрелла и Виадель-Оро¹⁷. За обширными кварталами тянулась оросительная канава, а вдали текла река, мутная и ржавая, как пенни. Рядом вилась и змеилась бетонная дорожка для пробежек; от нее поднимался чистый жаркий воздух. Плакат агентства по недвижимости хвастливо именовал район «ЭЛИТНЫМ ЖИЛЬЕМ НА БЕРЕГУ РИО-ГРАНДЕ!». Пару лет назад тут и за деньги никто бы не поселился. Жесткая трава, грязь, сусличьи норы – и так до самого горизонта. Теперь под солнцем пустыни блистали большие окна и подстриженные дворы. Неестественно, зато красиво. Рики подъехал к дому, из которого звонили. Двух-

¹⁶ Марта Стюарт (р. 1941) – американская телеведущая и писательница, знаменитая на всю страну своими советами по домоводству.

¹⁷ Звездная... Золотая (*исп.*).

этажный розовый дворец с балкончиками из кованных прутьев, похожий на торт к празднику *Quinceañera*¹⁸.

Рики еще не выключил мотор, а к нему уже подскочила миниатюрная женщина в наутюженных брючках цвета хаки. Рики вылез из машины.

– Они здесь уже неделю, – зачастила женщина. – Муж говорит, пусть живут, да и пусть, конечно, но там же *дети*, им же это просто вредно, они все время на улице и купаются в этой грязной реке, как зверюшки! И я сказала мужу, что вызываю вас, ради их же блага, ради детей. Им нужен нормальный уход. Она же мать, постыдилась бы. – Женщина запустила руку в стриженные волосы. В ушах у нее мерцали бриллиантовые серьги. – Она тоже постоянно крутится у реки. Каждое утро моет посуду – посуду! – в этой говнотечке. Лично я считаю, если уж ты скачешь вот так вот через границы, хоть веди себя понезаметнее, что ли. Ну честное слово. Каждый день люблюсь на этот девятнадцатый век. – Она поманила Рики в дом. – Вот вчера девочка, годика два, смотрю – ползает в грязи, никто за ней не приглядывает. А если змея или койот? Вот погибнет ребенок у меня на заднем дворе, а я, получается, ни при чем? Мне-то каково?

В доме на ботинки Рики с визгом бросился цвергшнауцер. Воздух благоухал новой краской и ванильными свечами – Реба зажигала такие, принимая ванну.

– Малыш, нельзя! – Женщина ногой отодвинула псину. – Надеюсь, вы не боитесь собак.

– Нет, мэ.

– Кстати, я – Линда Колхаун. – Она протянула руку.

– Агент Рики Чавес. – Ее мягкие, ухоженные пальцы выскользнули из его ладони.

– Мы из Северной Каролины. Мой муж работает на железной дороге, на Тихоокеанской. Переехали пару месяцев назад. Я еще не привыкла... ко всему этому, – она помахала рукой, как будто отгоняя мух, и провела Рики к задней двери. – Машины там. – Из прохлады дома она указала на берег.

Ниже по Рио он углядел потрепанный «додж»-четырёхдверку у бетонной дорожки. Другой машины не было видно.

– Они сейчас там?

– Ну, наверное, – сказала Линда. – Где им еще быть?

– Пойду поговорю. – Он надел бейсболку и зашагал вдоль каменной стены, отделявшей газон Колхаунов от западнотехасской песчаной грязи.

В четверти мили вниз по течению зеленые лужайки и саманные домики обрывались и начинался выгон, а за ним – несколько трейлеров на шлакоблоках. Рядом с «доджем» Рики заметил еще один след – к трейлеру на висячем замке, с окнами, закрытыми гипскартоном. Он вытащил рацию.

– Эль-Пасо, прием.

Послышался треск и скрипучий визг.

– 10-4¹⁹.

– Берт, я на месте, – сказал Рики.

Он еще раз оглядел трейлер и повернулся к «доджу». Окна были завешены одеялами и темными рубашками. Края подолов и рукавов торчали наружу и трепетали на ветру.

– 10-20?²⁰ – спросил Берт.

– За Донифаном, на канале Рио, от дороги где-то миля. Конская ферма и несколько жилых трейлеров. Канавка у меня за спиной.

¹⁸ В Мексике – праздник пятнадцатилетия девочки.

¹⁹ Здесь и далее пограничники пользуются десятичным кодом, разработанным для ускорения передачи информации по радио. «10-4» означает «Вас понял».

²⁰ Где ты находишься?

Рики встал на колени на спекшуюся грязь и сунул палец во второй след. Глубже, чем след «доджа». Похоже на фургон.

– Эй, Берт, тут в кустах у дороги где-нибудь есть сейсмоприемники?

– Наверно, а что?

Рики прошел по колее вдоль реки до фургона и жесткого кустарника, тянувшегося до самого горизонта.

– Ну чтоб хоть какое наблюдение было. Тут кто-то прячется, похоже.

– Понял. Помощь нужна?

– 10–23²¹. Трейлер сейчас пустой. Информатор говорит, дети появляются уже с неделю, и я чувствую, что их тут оставили. Присылайте буксир и 10–29²².

Может, тут «койот»²³ промышляет.

Радио трещало и повизгивало.

– 10-4. Рик, ты там поосторожнее, без геройства. – Понял. Без геройства.

Рики расстегнул кобуру. Берт прав. Рисковать незачем. Месяц назад один пограничник получил ожоги третьей степени и попал в реанимацию: нелегальный мигрант скомкал футболку, облил керосином, поджег и бросил в него. Оставил чувака гореть в кустах чаппарала, а сам сбежал. В итоге мигрант, скорее всего, уже на полпути к Нью-Йорку, а пограничнику второй раз пересаживают кожу на руках, груди и лице. Жена в палате храбрилась, когда их пятилетний сынишка не узнал отца и испугался, а в коридоре расплакалась.

Рики постучал в окно водителя и посторонился: – Эй, есть кто?

Он подергал ручку. Заперто. У переднего колеса сидит кукла в разноцветном ребозо²⁴. В пыли следы маленьких ног. Линда Колхаун говорила о матери и детях. Он снова постучал:

– Сеньора?

Одеяло на окне чуть шевельнулось.

– Я не причиню зла. Я хочу помочь. Откройте, – твердо сказал он и затем повторил по-испански.

Дверь щелкнула и медленно открылась. На него тревожно воззрилась заплаканная загорелая мексиканка.

– *Por favor*, – взмолилась она. – *Mis niños*²⁵.

Две маленькие головки выглянули с заднего сиденья.

– У вас есть бумаги? Гражданство или виза?

– Нет, виза нет.

– Вы не можете здесь оставаться без гражданства и без визы. Откуда вы?

– *Para mis niños*²⁶, – повторила она.

– Вы – нелегальный мигрант. Я знаю, что вы это понимаете. Вы одна или с кем-то? Вы с группой приехали? Вас кто-то привез?

Мексиканка закрыла лицо и расплакалась.

Он вздохнул. Женщина, скорее всего, отдала «койоту» все до последнего песа. Тот перевез их через границу и бросил или посадил в машину и велел подождать. В любом случае, последние две недели они явно жили в аду: пустыня, грязь и жара, голод и страх. А теперь разбиваются все мечты о нормальной жизни для нее и ее детей. Она предпочла бы остаться в

²¹ Будь на связи.

²² Конец связи.

²³ «Койотами» называют тех, кто делает бизнес на нелегальных перевозках людей.

²⁴ Мексиканская традиционная женская одежда – длинный кусок ткани, который используют как шарф, накидку, покрывало.

²⁵ Прошу вас... У меня дети (*исп.*).

²⁶ Ради моих детей (*исп.*).

машине и умереть на американской земле, лишь бы обратно не отправили. Он это видел уже сто раз: отчаяние оправдывает самые невероятные вещи.

– Сеньора, – попытался успокоить Рики, – здесь, – он показал на машину, – не место для детей. Это неподходящий путь. – Он распахнул дверь. – Выходите.

Женщина взяла его за руку:

– Не надо депортация. *Por favor, señor.*

Он сглотнул. И вот так каждый раз – с комом в горле.

– Простите, но есть закон. Вы его нарушаете.

Рики родился в Эль-Пасо – уже американцем. Его мать и отец родились в миле отсюда, в мексиканском Хуаресе, два года дожидались визы, семь лет – гражданства. Система работала плохо, и американцами становились только богачи или очень терпеливые люди. Его родители – из терпеливых. Рики понимал отчаяние этой женщины, но он также понимал долг и справедливость. Его семья соблюдала законы своей новой родины, какими бы они ни были, и Рики считал, что другие тоже должны их соблюдать. Если уж ценишь то, что дала жизнь, правила этой жизни будь добр уважай. Нет правил – получается, можно воровать у соседа и подтираться Библией. И все же сострадание пересиливало: выдворяя как преступников женщину с двумя детьми, Рики чувствовал себя прескверно.

Линда Колхаун со своей собачкой стояла на пороге своего дома вдали. Ее бриллиантовые серьги сверкали, как языки костра.

Рики вызвал Берта. Женщина собрала вещи.

– Задерживаю женщину с двумя детьми. Совершенно точно мексиканцы. Больше никого не видел. – 10-4.

Во дворе соседнего дома на ржавом трехколесном велике сидел малыш в шортах и шлепанцах. На пограничников он не глядел – глядел на запертую дверь соседнего трейлера.

– Отправляюсь на станцию, – сказал Рики и засунул рацию в нагрудный карман. Страхнул с ботинка ком грязи.

Мексиканка велела детям собираться. Старший мальчик сунул в вещмешок заношенную рубашу и джинсы. Девочка пробралась между передними сиденьями, перелезла через мамины колени и уселась на землю у переднего колеса, прижимая к груди куклу и посасывая большой палец. Красивые черные глаза не мигая следили за Рики. Вот такой может получиться наша дочка, подумал Рики, только нос будет крупнее и кожа светлее, как у Ребы.

Мальчик на велосипеде повернулся к ним.

– Пока! – сказал он и помахал ручонкой. – Пока-пока!

Из-за двери трейлера высунулась его мать.

– ¡Vete aquí!²⁷ – позвала она. – Обедать!

Широко улыбаясь, мальчик бросил велосипед и побежал в трейлер. Закрывая дверь, женщина сердито зыркнула на Рики. А девочка все сидела у его ног, обхватив колени руками, и не сводила с него взгляда. В ее темных глазах отражалась его бейсболка.

²⁷ Иди сюда! (исп.)

Двенадцать

Пекарня Шмидта

Гармиш, Германия

Людвигштрассе, 56

25 декабря 1944 года

С Рождеством, Гейзель!

Пишу тебе с ледяными ступнями и горчичником на груди. Ночью почти не спала. За полночь пришли гестаповцы – обыскивали весь город, искали беглого еврея. Заставили папу с мамой стоять в кухне в ночных рубашках, и это – в сочельник! В какие ужасные времена мы живем.

Мама говорит, у меня лихорадка. Может, надо было на банкете больше есть. Там был молочный поросенок, картофельное пюре, свиные сосиски, на десерт рисовая каша, но все невкусное. Шампанское мне тоже не понравилось. Из-за этих пузырьков еда во рту какая-то не такая. Как будто ее уже пожевали. У меня от него изжога. А что касается платья, о котором я тебе писала, то на шифон, конечно, приятно смотреть, но в мороз в нем неудобно. И к тому же я его испортила. Посадила пятен на юбку, а стеклярус оторвался и висит на ниточках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.